Артуа 4

Алексеевич Владимир
Корн

SHOUT
SHARE
IT

•

Корн Владимир Алексеевич.
Артуа 4

Я сидел в глубокой задумчивости, пытаясь дать ответ на неразрешимый вопрос: почему денег не хватает всегда, сколько бы у тебя их ни было? Ладно, еще в своем мире, приехав когда-то по распределению в незнакомый город, вынужден был несколько дней питаться соленой селедкой, луком и чаем без сахара. Ну тогда хотя бы понятно, не было ни денег ни знакомых. Но сейчас-то какая причина? Казалось бы, денег куры клевать не должны. И производство налажено, и вложения в банковское дело наконец-то начали давать неплохой доход. Страховая компания, Торговый дом, все, все давали неплохую прибыль. Так почему я не могу найти сто несчастных тысяч золотых имперских крон для того чтобы запустить в Монтенере новый металлургический завод? А он нужен как воздух и даже больше. Потому что уже имеющихся двух уже не хватает, а закупать у других металл дороговато получается. И откуда мне их выдернуть, недостающие деньги? Они везде нужны самим. И на верфи, где вот-вот должен сойти со стапелей первый корабль с железным корпусом. Он обошелся мне в такую сумму, что в моем мире на такие деньги можно было бы запустить в космос пару орбитальных станций. И ведь не факт, что имперские военно-морские силы купят корабль, даже если я попытаюсь впарить его в половину себестоимости. Да, он будет значительно быстроходней своих деревянных собратьев. Да, не под силу пушечным ядрам пробить его борта. Да, сам он имеет такое вооружение, что хоть в одиночку против целого флота биться выходи. Причем с того расстояния, откуда он будет поражать своих врагов, те даже достать его не смогут. Но и цена-то у него какова! На эти деньги целый флот можно было бы построить. А кавалерийская бригада, оснащенная новым вооружением и новой тактикой. У нее все другое, начиная от походных передвижных кухонь на конной тяге, клинков, качеством металла близким к булатному, прозванных в моем мире за цвет стали ‘селедками’. Обмундированием, обогнавшим свое время расцветкой, удобством и практичностью лет на все триста. И заканчивая этими чудищами весом почти в полтора центнера, установленных на рессорных повозках, что лупят очередями. Накладно содержать ее, очень накладно. И скорей бы уж решился вопрос о передаче бригады в имперскую армию на правах отдельного формирования, подчиняющегося непосредственно мне. То есть, кормят и поят из имперской казны,

а командую я. Бригаду пришлось создать, чтобы не на пальцах объяснять Военному департаменту, какой именно я вижу имперскую армию в будущем. Создавать на свои деньги, чтобы никакая сволочь не вякала, что я, пользуясь близостью императрицы, запускаю руки в казну на всякие свои прожекты. А центр подготовки этих чертовых имперских ниндзя в Доренсе? Там их и пары сотен голов не будет, денег же на них идет чуть ли не как на содержание кавалерийской бригады численностью в сто раз больше. Ну и пусть они почти равны по эффективности: кавалерийская бригада и сборище доренсийских диверсантов, так и деньги идут примерно равные. Нет, Доренс я армии ни за что не отдам, пусть своих таких парней готовят. Поговаривают, что даже Дикие опасаются с ними связываться. Ну а мы чего добивались? Стенборо - так вообще сплошное разорение. О чем я только думал, когда его создавал? Такое впечатление, что все эти ученые, механики, химики питаются исключительно благородным металлом, едят золото и на завтрак и на обед и на ужин. Не исключено, что и по ночам пару раз просыпаются, чтобы подкрепиться. Нет, толк от них, конечно, огромный, вот только бы расходов поменьше, а? И ведь не сократишь их, иначе придется какой-нибудь проект прикрывать, а они там все важные. Да и еще открытые мною при имперском университете два новых факультета горный и металлургический, тоже требовали расходов. Горестные размышления прервали открывшиеся двери. Дети. Мои дети - Яна, Конрад и Алекс. Им всем недавно исполнилось шесть лет - они в один день родились. Опять из-под надзора воспитателей сбежали. Инициатором и идейным вдохновителем побега, конечно же, являлся Конрад, всегда так происходит. Алекс, тот немножко другой, его больше всего ответы на вопросы интересуют. А вопросов у него… Яночка же просто солнышко, моя любимица, хотя я и старательно держу это в себе. Яна привычно залезла ко мне на колени, Алекс принялся рассматривать гравюры в лежавшей на столе книге, а вот за Конрадом нужен глаз да глаз. Хоть и стоит он, делая вид, что его крайне заинтересовала висевшая на стене картина с изображением морской битвы - память о моем недолгом правлении Скардаром, но я-то знаю… В кабинете собрана неплохая коллекция оружия, как огнестрельного, так и холодного, и вот она-то и притягивает его как магнитом. В коллекции некоторые экземпляры весят не меньше его самого, так что не приведи господи - не догляжу. -Папа, а почему ты почти старенький, а мама нет? У Яны голосок звонкий, как колокольчик. Какой же я старый, мне до сорока еще о-го-го! Больше года. Просто разница у нас с твоей мамой почти в

шестнадцать лет. Может быть, отказать в кредите Военному департаменту? Но он кредит у меня берет, чтобы у меня же и приобрести очередную партию нарезных капсюльных винтовок. Берет в моем банке, а покупает с моего склада. -Попроси маму, и она тебе другого папу найдет, молодого, - ляпнул я в ответ, занятый поиском выхода из положения. Дети, переглянувшись, ушли. Я встал из-за стола и подошел к окну. 'Выход должен быть, просто сейчас я его не вижу, - размышлял я, глядя на раскинувшийся внизу сад. - Эх, плюнуть бы на все, собрать своих людей и махнуть куда-нибудь. Например, на север, к Тотонхорну. Если и есть где раздолье, так оно именно в его степях. Да и давно у него не был, года три точно'. Вспомнив, что при каждой нашей встрече он спрашивает у меня - Меряться не передумал? - я улыбнулся. Нет, это не выход, отказывать в кредите Военному департаменту. Необходимо решать вопрос по-другому. Получить деньги в кредит в чужом банке? Тоже не вариант, сразу по всей Империи поползут слухи, что дела у меня пошли не очень. Как же, имея свой банк, входящий в тройку самых крупных, занимает деньги на стороне. Хоть действительно в государственную казну залазь. Дверь в кабинет отворилась снова. Любимая. Да не одна, за ней гуськом шли наши дети, почему-то все трое с заплаканными глазами. Что-то случилось? Так, если судить по выражению лица Яны, я опять в чем-то виноват. Но какая же она у меня красивая! Даже сейчас, когда вся во гневу. Ничего, есть у меня отличный способ, испробованный в деле. Стоит только поднять Яну на руки и немного покружить… И все, она сразу забывает, что была на меня за что-то зла, и начинает лепетать, прижавшись к груди. Только это самый страшный имперский секрет, потому что ну мало ли, вдруг и еще кто-то покружит. -Вы что это себе позволяете, господин де Койн? Ну, если на "вы", да еще по фамилии, дело серьезное. Как же она сейчас прекрасна, с гневным блеском в глазах, разрумянившимися щечками, и… и с 'бурно вздымающейся грудью'. А если еще учесть, что платье на ней отнюдь не с закрытым воротом… Получалось так красиво, что я даже залюбовался, совершенно позабыв, зачем она сюда пришла. -Дорогая…, - начал я, осматривая Яниану новыми глазами. Так, как бы до нее приблизиться до расстояния вытянутых рук? Ведь она сама прекрасно знает о своей слабости, и легко ускользнет. Мне даже иной раз становилось непонятно, как это у нее получается, занятия танцами сказываются, что ли? Да еще эти служанки, столпившиеся в дверях. -Дети, - сказала Яниана, по-прежнему глядя на меня отнюдь не влюбленными глазами, - нам с отцом нужно серьезно поговорить. Так, одна проблема уже устранена, дети вместе со служанками покинули

кабинет, и дверь за ними прикрылась. Теперь попытаться приблизиться. Сейчас. Легкое па, очень похожее на танцевальное, и между нами снова прежнее расстояние, кроме того, кресло. -Что ты сказал детям? - голос Янианны все еще не выражал радость от нашей незапланированной встречи в середине рабочего дня. Так, а что я им сказал? Убей - не помню. -У меня была встреча с фер Ночиа, когда в гостиную с плачем ворвались дети. ‘Мама, - плакали они, - нам не нужно другого папу!’. Так что ты им сказал? Янианна немного успокоилась, и мне удалось сблизить дистанцию на целых полметра. Фер Ночиа - посол Империи в Монтарно, и можно сделать ответный ход: -Дорогая, а тебе не кажется, что ты слишком часто с ним встречаешься? Пока Яна возмущено хлопала глазами, я сократил дистанцию еще на целый метр. -Да как ты смеешь!? По-моему, я немного переборщил. Ну ничего, оставалось сделать всего один шаг. С Янианной после моего возвращения из Скардара мы сорились раза два, три, не больше. Не так чтобы очень сильно, и все время на почве воспитания детей. Например, ей не нравилось, что маленькая Яна любит сидеть у меня на коленях. Мол, в ее детстве такого не было, и вообще, почему я забываю, что у меня не просто дочь, а принцесса. Ах вот как! -Прежде всего, она моя дочь! - заявил я. - И уж не потому ли ты сама так любишь сидеть на моих коленях, что когда-то в детстве была этого лишена. Я успел. Подхватив Янианну на руки, я закружил по кабинету. И уже в тот момент, когда я почувствовал, что она расслабилась, и оставались сущие пустяки до того, как можно было сделать примирение окончательным, двери кабинета без стука открылись. Появившийся в них человек прерывающимся голосом сказал: - Ваше Величество - война! Глава 1 Выбор Граф Анри Коллайн имел весьма бледный вид, и я его понимал, было с чего. Всего двумя месяцами ранее он, в этом же кабинете, уверял, что знает все, что творится в окружающем мире. Начиная с того, что сказал король Монтарно в приватной беседе с послом Лаверны и заканчивая перечня любимых блюд дворцового садовника Индоррийского герцогства. Я ему верил, имелись все основания. Когда-то давным давно, чуть ли не десять лет назад, состоялся у нас с Анри задушевный разговор, в течение которого мне удалось убедить его, что самое ценное в этом, да и во всех остальных мирах (тогда я сделал для него допущение: если они существуют) - информация. В то время у нас за душой практически ничего и не имелось, так, по коню да шпаге, если не считать немалых амбиций. Нет, вру, были у меня уже и поместье в Стенборо, и дом в столице, пусть и не самый огромный. Его сейчас Прошка занимает со своим семейством. Опять вру, не Прошка, а барон

Проухв Сейн со своей женой, баронессой Мириам Сейн, успевшие наплодить аж четверых детей. Во время нашего с Коллайном разговора я и выложил ему свои планы - создать империю внутри империи. Анри мне поверил, хотя особых причин для его веры и не имелось. Так вот, место ему в моих прожектах было предложено то же, что он занимает и поныне: сбор информации, и основанные на ней выводы и прогнозы. Ну и еще по мелочам: моя личная безопасность, безопасность моих проектов и все остальное в том же духе. Правда, со временем как-то само собой получилось, что все мои личные интересы плотно переплелись с интересами Империи, благодаря, конечно же, Янианне, так что отсутствием всевозможных проблем и различных забот Коллайн похвастать никак не мог. Но и подняться за это время Анри успел довольно значительно. Ныне он граф, обладатель неплохого состояния и весьма высокой репутации в самом высоком обществе. Закоренелый холостяк и бабник, пару лет назад он таки женился, женился на давней своей пассии, графине Лиоле Бекнер и мы с Янианной присутствовали на их свадьбе. До вчерашнего дня Коллайн чуть ли не ежедневно доказывал, что я в нем не ошибся, предположив в нем те качества, что бог не дал самому: аналитический склад ума, талант добывать необходимую информацию, и способность делать долгосрочные прогнозы. А также находить нужных людей, при необходимости склоняя их к сотрудничеству. Методы при этом он использовал самые разные, но вся специфика его работы никогда не подразумевала чистоплюйства. И вот надо же, так проколоться. Помню, однажды Коллайн заявился ко мне в весьма взбудораженном состоянии и прямо с порога заявил: -Я их нашел. Видя недоумение на моем лице, ведь насколько я знал, мы ничего и не теряли, да и не слышал я от него, чтобы он кого-либо разыскивал, он сразу пояснил: -Артуа, я все-таки нашел бумаги Варона Кройта. Да, отлично помню, был такой человек, банкир, опутавший долгами чуть ли не половину столичной аристократии. Живи он сейчас, я даже смог бы назвать его коллегой, ведь теперь и у меня имеется свой банк. Но не сложилось, после нашего с ним разговора у бедняги не выдержало сердце. Наверное, от угрызений совести, из-за того, что он похитил меня прямо по дороге в императорский дворец, куда я направлялся, чтобы увидеться с Яной. Варон Кройт был далеко не самым приятным человеком, даже мерзавцем, но в уме ему не отказать никак нельзя. И не потому, что он смог подняться с самых низов до очень значимой в масштабах всей Империи фигуры, пусть и теневой: Кройт не хуже нас с Анри понимал, что информация - это все. После смерти Кройта прошли добрых три года, и, как оказывается, Анри все не прекращал

поиски его архива. Причем даже ни разу не обмолвился о своих поисках. Мы здорово им поиграли, секретным архивом Кройта, прямо как на рынке ценных бумаг, и на повышение, и на понижение. Не в прямом смысле конечно, но векселя помогли решить несколько очень важных вопросов. Действовали мы, кстати, через подставных лиц, которых тоже нашел Анри. Нет, мы не требовали обналичить векселя, но для того, чтобы некоторые из должников Кройта вдруг переменили мнение по тому или иному вопросу, иногда хватало угрозы дать ход долговому обязательству. Часть векселей мы вернули. Вернули тем людям, что залезли в долги под гнетом непреодолимых обстоятельств, никак не связанных с карточными играми или покупками бриллиантовых колье своим фавориткам, делать добрые дела всегда приятно. Организовали с помощью векселей благотворительный бал, где господа, якобы принося пожертвования на сиротские дома и ночлежки для бедноты, на самом деле выкупали свои долговые расписки, пусть и далеко не по номиналу. Все по-честному, деньги действительно ушли туда, куда и предназначались - на сиротские дома, но энтузиазм жертвователей был весьма похвален. Часть документов в коллекции Варона оказались не долговыми обязательствами имперской знати. Среди них хватало и документов совсем другого плана - убойного компромата. Покопавшись в них с полчаса, я решительно отодвинул бумаги от себя: извини, Анри, это тоже часть твоей работы, а мне с лихвой хватит и того, что я успел увидеть. Да уж, о некоторых особах, присутствовавших в бумагах, никогда бы не подумал того, о чем прочитал в документах. Даже появилось ощущение, что руки, прикасавшиеся к бумагам, стали грязными, и я долго их мыл, стараясь избавиться от наваждения. Тех документов, что мы отложили на потом, чтобы в нужный момент извлечь в качестве далеко не самого слабого козыря и сейчас оставалось немалое количество. Но кое-чем пришлось сразу же поделиться с человеком, возглавляющим Тайную стражу, занимающимся и разведкой и контрразведкой Империи - графу Кенгриву Стоку. Документы, переданные ему, тоже могли оказаться убойными козырями в подходящий момент, но… Тайная жизнь, скелеты в шкафу и долги людей, попавших в поле зрения покойного банкира - это одно, а безопасность Империи - совершенно другое, и тут уже не до личной выгоды. Впрочем, выгода нашлась и здесь. Коллайн, пользуясь моим покровительством, перед тем как передать документы графу, в свою очередь потребовал у него кое-какую информацию. Нет, не о зарубежной агентуре Стока, и даже не о собранном им лично компромате, но выгода все же нашлась.

После передачи бумаг Стоку завертелись такие интриги… Часть людей, оказавшихся причастными, называя ситуацию своим именами, к предательству родины, занимали довольно высокие посты. По понятным причинам затевать всеимперский скандал было нельзя, но и оставлять изменников на прежних местах тоже. Существовала и сложность с Янианной, пусть она и императрица, но еще и женщина, и уж кому как не мне было об этом знать хорошо. А у женщин, как всем известно, довольно длинный язычок, и несколько лишних слов не вовремя сказанных, могли поставить под угрозу все затеянное дело. Но и держать императрицу в неведении тоже нельзя. Кроме того, необходимо было проследить за тем, чтобы Сток, воспользовавшись ситуацией, не выдвинул на освободившиеся места своих людей. Как выяснилось, наше беспокойство оказалось напрасным, граф не из той категории людей, что в такой ситуации стал искать бы себе личную выгоду. В конце концов, все проблемы удалось решить тихо и ровно. И я даже укорил себя в том, что смог посчитать Янианну болтушкой. С тех самых пор у Коллайна и Стока сложились отличнейшие отношения. И вот, всего пару месяцев назад Анри хвастался мне, что знает не меньше Кенгрива Стока. В общем-то, да, финансирование ведомства Коллайна всегда занимало далеко не самую последнюю строку в расходах, а золото такая вещь, за которую купить можно почти все. ‘Ну и как это событие прошло для тебя незамеченным? - Думал я, глядя на Коллайна. - Ведь шли переговоры, причем, нисколько не сомневаюсь, длились они не один месяц. Тайные переговоры должны были оставить след в переписках, разговорах, в чем-то еще. Ну ничего, Анри, иногда судьба специально больно щелкает нас по носу, желая, чтобы мы не слишком возгордились собой’. Если нападение Трабона мы ждали, ждали последние несколько лет, всячески его оттягивая, то присоединение к нему Абдальяра стало для всех полной неожиданностью. Трабон, западный сосед Империи, без объявления войны перешел границу и занял часть провинции Тосвер. На ее территорию он претендовал давно, даже нашел документы, подтверждающие право на них, впрочем, не имеющие силы и не отличающиеся подлинностью. Интерес Трабона к Тосверу понятен, провинция являлась чуть ли не основной житницей Империи, а Трабону катастрофически не хватало плодородных земель. Вернее, не то что бы совсем не хватало, просто их нужно было отвоевывать от леса, коего на территории королевства хватало с избытком. Ну и король Готом, решил пойти, по его мнению, по пути наименьшего сопротивления. Подумаешь война, лучше рубить головы, чем деревья. Тем более, с самого начала своего воцарения на

трабонском троне, он только тем и занимался, что воевал, и воевал всегда успешно. И если с Трабоном все более менее понятно, то какого дьявола понадобилось в Империи Абдальяру? После победы Скардара в морской войне с Изнердом, в которой и мне пришлось принять посильное участие, Абдальяр и до того имевший могучий флот, перестал иметь соперников на море. И что ему дает участие в войне на стороне Трабона? Так вот, одновременно с нападением Трабона, Абдальяр высадил десант на противоположном конце Империи, захватив город-порт Дижонт. Дижонт, городишко небольшой даже по местным меркам, тысяч на сорок населения. Соответственно, и гарнизон крохотный. Расположен на восточной границе Империи, там, где они упираются в степи. В степях живут кронты, кочевники, и с ними я тоже когда-то успел познакомиться. Промышленности в Дижонте нет никакой, он, скорее форпост Империи на границе с неспокойными соседями. И в основном там степи, степи, да и сама область мало заселена. Даже не представляю, какой у Абдальяра интерес в войне, а это очень важно. Но факт оставался фактом, захват Абдальяром Дижонта означал ни что иное, как объявление войны. О Трабоне известно почти все: у Готома тысяч сто пятьдесят солдат, примерно при пятистах пушках. Ну и его знаменитая личная гвардия, в пятнадцать тысяч штыков, да тысячи четыре тяжелых кирасир. Имперские войска примерно равны по численности, разве что кавалерии у нее несколько больше. В общем-то, при правильном ведении войны, ничего страшного. Но именно оно и внушало наибольшие опасения. Полководцы Готома прошли уже не одну войну, приобретя нужный опыт, да и войска закалены в боях. В отличие от имперской армии, столетиями не воевавшей. Наверное, правы были те, кто, видя неизбежность войны с Трабоном, давно уже утверждал, что нужно нанести удар первыми, ведь тогда не создалось бы такой ситуации, как войны на два фронта. И если с десантом Абдальяра все не так страшно, сколько их там уместилось на кораблях, то объединённая эскадра Абдальяра и Трабона может парализовать прибрежное судоходство, и имперскому флоту с этим не справиться. Весь флот сосредоточен в Гроугенте, самом большом морском порту Империи, и от него в столицу всего три дня пути. Гроугент - мощная крепость, способная выдержать многомесячную осаду, так что с этой стороны особой угрозы нет. И все-таки непонятно, что же подвигло Абдальяр к вступлению в войну? Кстати, о нем самом. Я придвинул к себе подборку документов, предложенных мне Анри. Так, столица Абдальяра - Абдальяр, ну надо же. Население… экономика… состав и численность армии… состав и численность

флота… И все примерно, примерно, примерно. Да кто ж мог знать, что Абдальяр, расположенный черт-те где, будет с нами воевать. Ну и теперь самое главное, куда направиться мне? В Гроугент или в город Сверендер, центр провинции Тосвер? В принципе, прямых столкновений с флотом Абдальяра еще не происходило, корабли держались друг у друга на виду, не провоцируя. И сколько так будет тянуться? В конце концов, даже если Империя останется полностью без флота, это еще не конец войне. ‘В Сверендер, - решил я. - Не оставаться же в столице, в ожидании фронтовых сводок. Да и бригаду пора уже в деле испытать’. Ну и еще одна причина, о которой знал только Анри Коллайн - сын. Мой сын от первой возлюбленной в этом мире, Аниаты. Когда уезжал из Дертогена, она мне не сказала, что ждет ребенка, и о сыне я узнал не так давно, и опять не от нее. Тогда я попросил Коллайна передать ей крупную сумму денег и организовать все так, чтобы ни сам она, ни кто-либо другой даже не догадывались от кого они именно. Кроме того, дать местным властям понять, что есть очень влиятельное лицо в столице Империи, Дрондере, которое живо интересуется всем, что касается Аниаты, и очень желает, чтобы никто ей жизнь не усложнял, а вовсе даже наоборот. Сейчас Арниону должно было быть около девяти лет. ‘Когда Арнион подрастет, перетяну в столицу, дам образование, помогу встать на ноги’, - думал я еще не так давно. Теперь ждать не стоило, войска Готома оккупировали территорию, на которой находился Дертоген. Я и сам объявился в этом мире в тех местах. Даже фамилию ‘Койн’ взял по названию побережья, лишь ‘де’ прибавил, видимо не наигравшись в детстве в мушкетеров. -Прошка! - Заорал я, тут же себя одернув. Какой он теперь Прошка, давно господин барон. В который раз оплошал, пора бы и привыкнуть. -Нет, господин Коллайн, ваше место здесь, в столице, - заявил я, видя выражение глаз Анри. - Понимаете в чем дело, ваша светлость, воинов у меня и без вас хватает, а вот вашего ума мне уже не сыскать. Вошел Прошка со шпагой на боку, в раззолоченной одежде человека, входящего в свиту такой значительной особы как я. ‘Ничего, Проухв, как из столицы выедем, так сразу и переоденемся. Вот только куда же тебя так прет, ты же еще шире стал. Надо Мириам отругать, иначе скоро и коня под него подобрать будет невозможно’. Глава 2 Кавалергарда век недолог Чтобы преодолеть расстояние от столицы до Варентера, местечка близ центра провинции Тосвер Сверендера, нам понадобилось почти две недели. По местным мерка немного, слишком уж велико расстояние. И только имперская почта преодолевала этот путь быстрее. Помнится мне, когда через полгода после того как

оказался в этом мире отправился из окрестностей Сверендера в столицу, дорога заняла больше месяца. Но тогда все было по-другому, и я даже радовался каждому лишнему дню пути. Трясясь в седле целыми днями, времени на раздумья было достаточно. Конечно, предаваться размышления в карете комфортней, но, судя по тому, что ездить верхом в ближайшее время предстоит немало, нужно втягиваться. А то видишь ли, разбаловался в последнее время, все в карете да в карете, еще и в сопровождении эскорта, мигалок только не хватало. А думы были одни: достаточно ли я успел за те шесть лет, что прошли после моего возвращения из Скардара, успел именно в военном аспекте. Как будто бы и без дела не сидел, и сделано многое, но именно сейчас казалось, что больше не успел, чем сделал. В сроки, установленные самому себе на перевооружение имперской армии, я не укладывался, и тому было много причин и препятствий. И сейчас я раздумывал, действительно ли они все были непреодолимыми. Слишком уж затянулся первый из трех этапов плана, по которому следовало перевооружить армию пулями нового образца. Ничего сложного в этом не было. Как известно, основной проблемой у гладкоствольных ружей является прорыв газов между пулей и стенками ствола. Из-за прорыва часть энергии, получаемой во время сгорания пороха, пропадет зря. И как следствие, гладкоствольные ружья бьют недалеко и не точно. Полностью проблему можно устранить, сделав стволы ружей нарезными и снабдив солдат пулями, известными в моем мире по имени его создателя - Минье. На первый взгляд, чего уж сложного. Но это только на первый. А если вникнуть, получается совсем другая картина. Единого стандарта нет, и четыре фабрики, производящие ружья в Империи, делают калибры стволов, как им самим заблагорассудится. Кроме того, несколько раз крупные партии ружей закупались за рубежом. Сами солдаты никаких неудобств о того что у него ружье одного калибра, а у соседа другого, не испытывали: порох он и есть порох, кремни тоже, а пулю из свинца он отливает себе сам, всегда так было. С этого и начали. В очередной полк приезжала передвижная ремонтная бригада, снабженная необходимыми бумагами от Военного департамента. Да и не требовались бумаги, все и так уже были в курсе и даже ждали с нетерпением. И начиналось. Поначалу производилась выбраковка оружия. - Вот эти ружья ни к черту, даже делать с ними ничего не будем, вот для этих имеем уже готовые пулелейки, только нужно немного подогнать их нужно под конкретные ружья. Пуля, господа, новая пуля. Видите, она необычного вида, не круглая, как вы привыкли их видеть, а продолговатой формы, еще и с углублением в донышке. Порох

при выстреле ее чуть расширит, и мы избежим того, о чем вы, господа офицеры, и сами уже знаете - прорыва газов, пусть и не полностью. Объясните солдатам пока на словах, а когда они начнут стрелять, заметят разницу сами, ее невозможно не увидеть. Теперь господа, вот эти ружья, что нами отложены в сторону. С ними предстоит более сложная операция - в их стволах появятся нарезы. Пулелейки к ним будут особые: форма пули другая. Ими вооружите самых метких солдат - застрельщиков. А чтобы было наглядно, давайте возьмем уже готовый экземпляр и немного постреляем по мишени. Впечатляет? Ну а чтобы вы хотели? -Так, дело дошло и до вашего личного оружия. В ваших пистолетах тоже появятся нарезы, ну и пулелейки новые получите, куда же без них. Но хотим еще раз напомнить о новом указе Ее величества, в котором говорится о дуэлях. Напомнить о том, что, в том случае, если дуэль будет с усовершенствованными пистолетами, то господам офицерам просто опалой уже не отделаться. Последует немедленное разжалование в солдаты, и то только в самом благоприятном случае. Ведь можно и дворянского звания лишиться. Так что вы уж по старинке, пожалуйста. Потому что оружие для того, чтобы убивать им врагов Империи, а не ее граждан. Ну и наконец, подпишите, пожалуйста, вот эти документы. В них указано число переданных вам пулелеек, а также количество нарезанных стволов. Ружейных и пистолетных отдельно. Это важно, ведь Военный департамент производит оплату именно по ним. Кстати, господа. У нас в наличие имеются еще и пистолетные замки нового типа, которым не требуются кремни. Эта штука, что используется вместо них, называется по имени своего создателя - капсомом. Пока мы их устанавливаем только за отдельную плату. Но согласитесь снова, насколько удобней пользоваться оружием именно с таким замком. И осечек практически нет, и сберечь капсюли от сырости достаточно просто. Да, да, в войска в самом скором времени будет поступать оружие с уже нарезными стволами, и с капсюльными замками. Вернее, оно уже поступают, но пока только в имперскую гвардию. И слухи тоже верны. Действительно существует и оружие, где патрон представляет собой единое целое и заряжается он с казенной части, не с дула. Нет, купить его пока невозможно. Но это вопрос времени, через несколько лет оно тоже начнет поступать в войска. За сим разрешите откланяться, нас ждут другие полки. Примерно таким образом мы и начинали модернизацию оружия имперской армии. Очередная остановка на ночлег пришлась на постоялый двор при въезде в Велент. Как много с ним у меня связано, с этим, в общем-то, небольшим городком. Милана, первая любовь в этом мире, да и первая моя

дуэль состоялась здесь же. В Веленте я повстречался с Фредом фер Груенуа. Нет, мы были знакомы еще задолго до этого, но встреча с ним помогла мне избавиться от многих проблем, связанных с местной знатью. Удивительно, но и в дальнейшем не раз получалось, что он встречался на моем пути как нельзя вовремя. Я даже однажды пошутил по этому поводу, на что Фред мне ответил: при самой первой нашей встрече мне удалось помочь ему самому, так что он лишь пытался расплатиться по долгам. Шутил конечно. Кстати, Фред фер Груенуа, неисправимый сердцеед, в чем они очень были схожи с Анри Коллайном, женился тоже, взяв в жены одну из фрейлин Янианны. Сколько он не брыкался, заявляя, что еще достаточно молод, чтобы связывать себя узами брака, но видимо, в этот раз нашла коса на камень. И снова день в седле, когда дорожную скуку можно скрасить только воспоминаниями. Со временем мне удалось приобрести одну из оружейных фабрик, расширить ее, модернизировать, и начать выпуск уже настоящих винтовок, пусть и однозарядных. Но все остальное… нарезы, унитарный патрон, скользящий затвор, дальность и кучность боя… И оставалось только наладить массовый выпуск. Параллельно на фабрике выпускались капсюльные дульнозарядные нарезные винтовки, их производство далось значительно легче, и два полка гвардии были ими уже перевооружены. А в самом Стенборо ограниченным числом производилось оружие уже следующего поколения: магазинные винтовки и револьверы. Их изготовление оказалось связано с немалыми технологическими трудностями, и было практически штучным. Но центр подготовки воинов-теней в Доренсе я таким оружием обеспечил. Там вообще собиралось все самое лучшее. Последний раз мы вместе с Коллайном посетили Доренс еще с полгода назад. Так, внеплановая проверка с целью обнаружить нарушения, чтобы затем наказать невиновных и поощрить непричастных. Нагрянуть внезапно нам не удалось. Но если бы получилось, можно было бы смело всех разогнать, а сам центр закрыть: что же это за диверсанты, если их можно застать врасплох? Встретил нас барон Эрих Горднер, бессменно возглавляющий школу чуть ли не с самого момента ее основания. ‘Вот уж кого время не берет’, - глядя на него думал я. Эрих выглядел так же, как и много лет назад, во время нашей первой встречи, разве что чуть добавилось седины. Лучшего наставника для школы мне по всей Империи было не сыскать. Если уж Горднер из такой, можно сказать, бестолочи как я, человека сделал, то не стоит даже беспокоиться о людях, собранных нами поштучно. Шутка, конечно, но в каждой шутке… Когда-то, еще до того, как я получил титул барона и звание дворянина, мне

посчастливилось послужить под его началом, правда, весьма недолго. Тогда у него был свой отряд, отряд для особых поручений, под высоким покровительством до сих пор неизвестных мне людей. Так что опыта Горднеру было не занимать. Пусть и большую часть работы ему приходилось выполнять внутри страны, но находились и такие задачи, когда он выезжал далеко за ее пределы. Причем действовал он всегда на свой страх и риск, поскольку его покровители непременно отказались бы от него, сделав удивленное выражение лица: кто таков, первый раз о нем слышу. Затем он попал в крайне неприятную историю, и мне удалось вытащить его чуть ли не из петли палача. Горднера я запомнил как великолепного фехтовальщика, и с тех пор, как судьба свела нас вновь, мне всегда хотелось схватиться с ним в учебном бою, ведь и сам я ушел за это время далеко вперед. Но Эрих был важен совсем не как мастер фехтования, нет. У него удивительным образом получалось из обыкновенных воинов делать бойцов. Что же касается самого центра в Доренсе… Если в Стенборо пытались переманить со всей Империи талантливых ученых, изобретателей, механиков, то здесь старались собрать тоже таланты, но уже в другом деле - в воинском. Некоторые даже и не подозревали, что в них скрывается такое призвание, пока не попали сюда и им не объяснили что к чему. Но и учителя подобрались один к одному. Какой дисциплины не коснись - уникум. Что в фехтовании, что в стрельбе, что в верховой езде, что в маскировке. Среди инструкторов был даже один широко известный по всей Империи специалист по вскрытию замков. Ему предстояло провести ближайшие лет пятнадцать на каменоломне или руднике, когда нам удалось обменять его на немалую сумму золотом. А вот минно-взрывное дело пришлось создавать практически с нуля. Что и не мудрено, ведь до появления динамита и нужды в нем почти не было. Но в этой области помочь чем-либо мне было бы чрезвычайно трудно, поскольку я не обладал даже зачатками необходимых знаний. Но справились и без меня. Показательные выступления питомцев Доренса впечатлили нас обоих. Меня в меньшей степени, поскольку я здесь довольно частый гость, а Коллайна даже поразило, хотя и ему приходилось иметь с ними дело, пусть и не в стенах школы. Время от времени мы задействовали их в довольно щекотливых ситуациях, а один раз они умудрились умыкнуть человека прямо из под носа начальника Тайной стражи Кенгрива Стока и его людей. Тому же Коллайну нужна была информация, и после того, как тот человек очутился бы в лапах имперской охранки, добыть ее оказалось бы значительно сложнее. После случившегося Сток явно начал что-то

подозревать, но вопросов от него я так и не дождался. Ну что ж, мы приехали сюда не только для того, чтобы посмотреть, нам есть и что показать, в частности Коллайну. Анри всегда боготворил огнестрельное оружие, а после того как у него появились револьверы, он творил с ними просто чудеса. Вот и на этот раз он продемонстрировал такую технику стрельбы с обеих рук, что открывать рот пришлось уже не нам. Я же стоял в стороне, всем своим видом указывая, что нет предела совершенству. После того, как несколько человек безуспешно попытались повторить увиденное, заявил, что тот человек, которому это удастся, получит в подарок револьвер работы самого оружейного мастера Гобелли, образцы которых они могут наблюдать у господина графа Коллайна. А что, неплохой стимул, я даже денег не пожалею, хотя револьверы Гобелли ох как дороги. Далее нас ждал неплохой ужин в компании Горднера и остальных инструкторов. Девушки, обслуживающие нас, были такими миленькими, что я с подозрением посмотрел на Эриха: вы что, решили устроить из центра подготовки диверсантов и снайперов элитный бордель? Но у того даже ус не дрогнул. Чем меньше пути оставалось до Сверендера, тем больше проявлялось признаков близкой войны: колонны солдат, повозки с ранеными, цены на продукты… И главное - выражение лиц. Оно менялось у встреченных нами по дороге людей. Если в окрестностях Дрондера война была лишь темой для разговоров, то ближе к фронту лица становились все более тревожными: как дойдет, не дойдет. И уж совсем другими были лица беженцев и раненых, людей, которых война уже коснулась. Сверендер мы пролетели не останавливаясь, до Варентера оставалось полдня пути. Варентер не был населенным пунктом, как можно предположить. Нет, широкая долина, через которую протекала река Варент. С северной стороны долины начинались отроги Энейских гор, а с противоположной она упиралась в тянувшиеся на много лиг плавни, густо поросшие камышами. Место для генерального сражения и выбиралось командующим имперскими войсками герцогом Ониойским с тем расчетом, чтобы нельзя было обойти с флангов. По крайней мере, с южной стороны совершить обход становилось невозможным. Я помнил эту местность по своему первому путешествию в этом мире из Дертогена в столицу, и именно здесь мне удалось установить, меряя шагами расстояние от одного придорожного столба до следующего, что местная лига почти равна двум километрам. Варент - речушка неглубокая, и только на время сезона дождей наполняется так, что вброд ее перейти невозможно. Но до них еще больше месяца, так что надежды на то, что она станет препятствием для Готома, нет никакой. Его

сиятельство герцог Ониойский, командующий имперскими войсками, расположился в огромном шатре. Герцог являлся родственником Яниании, пусть и не самым близким. И он был одним из тех немногих влиятельных людей в Империи, которые поддерживали ее на троне. Так что в том случае, если сражение герцогом будет проиграно, трон под Яной зашатается основательно. Родственники герцога, а, следовательно, и Яниании, были и в командовании военно-морским флотом, но с ним сложилась несколько иная ситуация. Все-таки имперский флот никогда не считался в этом мире могучим, так что в случае его разгрома никто бы, в общем-то, сильно и не удивился. И если в противостоянии с флотом Трабона, тоже никогда не могшего похвастать могуществом своего флота, у него были все шансы, то теперь, когда в войну одновременно вступил и Абдальяр, они стали почти нулевыми. Я, в сопровождении барона Проухва Сейна и командира прибывшей вместе со мной кавалерийской бригады графа Антонио фер Дисса, вошел в шатер. На миг задержавшись у входа, поприветствовал собравшихся на совещание офицеров и прошел к столу, занимавшему большую часть шатра. Практически все лица, не исключая герцога были мне хорошо знакомы. С ним мы не раз общались, обсуждая предлагаемые мною новых образцы вооружения. Были среди них и граф фер Стяну, графа Анри Дьюбен, с которыми мы вместе защищали Кайденское ущелье. ‘Так, господа,- думал я, обводя всех взглядом. - Если вы считаете, что я заявился, чтобы прикрываясь именем императрицы учить вас ведению войн, вы глубоко заблуждаетесь. Нет, такого не будет. А вот то, что я привел с собой почти две тысячи прекрасно обученных и великолепно вооруженных солдат, может в нужный момент сильно повлиять на ситуацию, сложившуюся в ходе сражения. Необходимо только сразу оповестить о том, чтобы герцог не нашел им место в своих планах. Если уж до сих пор не решен вопрос о передаче бригады в регулярную армию Империи, то сейчас, в сложившейся ситуации, в этом вообще не вижу смысла. Это мои люди, и пусть они ими и останутся. Если же рассуждать цинично, то неизвестно, как именно закончится сражение. Весьма вероятно, что и полным разгромом имперских войск. И тогда бригада мне будет очень нужна. Если, конечно, что-нибудь от нее останется, потому что стоять и смотреть на бой со стороны, мы не будем. Наша задача - попытаться сыграть роль джокера, спрятанного до поры до времени в рукаве’. Такая возможность имелась. Вооружены они действительно весьма неплохо. Помимо сабель очень и очень неплохого качества, каждый имеет нарезной карабин с затвором. Плохо лишь то, что магазинных карабинов на всех не больше сотни. Туго пока с ними

дело идет, технологии только налаживаются. Но есть еще у всех офицеров револьверы, с таким же калибром, что и у карабинов - миллиметров десять, одиннадцать. Я не стал оригинальничать, обратившись с этим вопросом к земной истории - забракованный винтовочный ствол резался на револьверные. Конечно, калибр великоват, при массовом производстве каждый лишний миллиметр означает дополнительные затраты на производство, да и по баллистическим свойствам пули следовало бы уменьшить. Но лиха беда начало, дойдет и до этого. На вооружении бригады есть и изюминки: семь пулеметов и три орудия, заряжающихся с казны и со шрапнельными снарядами. Не бог весть что, но в нужный момент и в нужном месте… У каждого кавалериста имеется еще и пика, с треугольным флажком, на котором изображена лошадка на золотистом фоне. Но самое важное даже не в пулеметах. Самое важное - воинский дух. ‘Кавалергарда век не долог…’ и ‘плох тот гусар, что доживает до тридцати’. Именно так подбирали людей в бригаду. Сначала офицеров, а затем уже и солдат. Лихость, но не показная, презрение к смерти, но не напускное… Управлять такими людьми сложно, они не серая масса, каждый из них личность. Но мне нужны были именно такие. Ведь сейчас, когда солдаты не закопаны в землю по самые брови, когда не пришло еще время кинжального пулеметного огня, когда смерть не прилетает из-за многих километров, именно такие солдаты значили очень многое. Командующий бригадой граф Антонио фер Дисса тоже был ярким представителем людей именно такого склада. Вероятно, потому и не горели желанием увидеть в составе имперских войск мою бригаду ее военачальники, что отлично понимали, сколько возникнет проблем - такие солдаты не для мирного несения службы, они для войны. Теперь же я и сам их не отдам. Ведь именно они станут прообразом гусар, что так торопились жить, потому что отлично знали - жизнь, она так коротка, и не стоит тратить ее на любые раздумья. Ведь именно в их среде появится такая забава, как ‘гусарская рулетка’. Нет, я их ни за что не отдам. Кавалеристы бригады резко выделялись среди остальных своим внешним видом. Нет, никаких тебе камуфляжных пятен, наоборот, мундиры на них горели золотом. Даже императорская гвардия, всегда гордящаяся блеском своих мундиров, по сравнению с ними выглядела бедными родственниками. Оставалось только убедиться в том, что бравада моих людей не напускная, что они и внутри такие же, как выглядят снаружи. Ну и очень хотелось увидеть их в схватке с непобедимой гвардией короля Готома. Глава 3 Диверы Из шатра я выходил не в самом хорошем настроении. Казалось бы, никаких новых плохих

новостей, обстановка на совещании была самой деловой, без всяких признаков нервозности. Да, Готом силен, да, вражеская армия не уступает нам в численности, да, опыт военных действий по сравнению с имперской у нее просто огромен. Но мы-то на своей земле, и место выбрано самое удачное, с левого фланга точно не обойти, плавни, а обороняться всегда проще. Весть о том, что вайхи напали на Дрогаунд, город, расположенный много севернее этих мест, не стала для меня новостью, я получил ее еще по пути сюда. И даже успел отправить письмо дормону вардов, Тотонхорну. Письмо было с просьбой прогуляться по вайховским степям, и призвать их к порядку. Желательно жестко так призвать, особо не церемонясь. Ну и потом пройти Туйским ущельем в Энейских горах, чтобы оказаться на территории Трабона. Там имеется лишь небольшая крепость, не ждут в Трабоне удар отсюда. У них с вайхами все проплачено, чтобы те не лезли в Трабон, и наоборот, почаще наведывались в Империю. Степи, где кочуют вайхи, территориально принадлежат Империи, но она все не может навести в них порядок. Заодно попросил Тотонхорну потревожить Трабона с севера, там, где его земли граничат с землями вардов. Именно попросил, станет Тотонхорн еще чьих-то приказов слушаться. Вообще-то с дормоном у меня отличные отношения, связанные с давней историей, когда мне удалось спасти его сына. И я даже однажды навестил его, чтобы увидеть, что в нашей дружбе ничего не изменилось. Сам он в Дрондер не наведывается, а вот его сын, Тотайшан, прожил в нем без малого три года. Когда он возвращался к отцу, я с ним и увязался. Хорошо там у него, степь, раздолье… Сразу двух зайцев убил, и отношения освежил, и отпуск неплохой получился. Но прошло три года, и мало ли что могло измениться в его симпатиях. Хотя Коллайн утверждает, что не было у дормона в последние несколько лет людей Готома, пытающихся склонить вардов на свою сторону. Что-то расслабился я за последние несколько лет спокойной жизни. Разве что вечные дворцовые интриги, черт бы их побрал. Ничего серьезного, но за каждым своим словом приходилось следить тщательно. Поначалу бывало: ляпнешь пару слов не подумавши, так смысл фразы перевернут, что потом просто диву даешься. Недалеко от входа в шатер меня поджидал барон Эрих Горднер. Я заметил его сразу по прибытию, и мы успели только обменялись приветствиями, переговорить времени не было. -Пойдемте барон, - обратился я к нему. - Мои люди должны уже успеть поставить шатер. Поужинаем вместе, заодно и поговорим. Отсюда, с высоты, где на окраине леса расположилась ставка герцога Ониойского, хорошо просматривалось поле будущего сражения. Некрутой спуск

переходил в луга, за которыми блестела лента реки Варент. За рекой видны многочисленные огоньки костров армии Готома. Его войска подошли еще два дня назад, и сражение должно состояться со дня на день, не зря мы так торопились по дороге сюда. Мост через реку разрушен, но это для Готома не станет препятствием, Варент, что называется, воробью по колено. Самого моста было жаль, добротный такой каменный мост, все же сверендерский такт, идущий от границы с Трабоном до самой столицы Империи. Были видны и наши редуты, много редутов, а вот на другой стороне реки их не видно. Не боится видимо Готом, что мы сами пойдем в наступление. И судя по словам, что мне довелось услышать на только что закончившемся совещании, правильно делает. Ну да ладно, пусть у герцога голова болит об общей стратегии, а у меня своя миссия. Шатер, конечно же, успели разбить. В нем мы все и собрались. Бригада разбита на четыре полка, в каждую входит четыре эскадрона в среднем по сто двадцать человек. Сами эскадроны поделены на полуэскадроны, у каждого подразделения свой командир, так что народу в шатре было не протолкнуться. Фер Дисса вкратце рассказал собравшимся офицерам то, что происходило на совещании, затем взглянул на меня. Я коротко мотнул головой - добавить пока нечего. Затем мы принялись за ужин, который был уже готов. Еще бы, полевые кухни на колесах не менее важны, чем острота кавалерийской сабле, и в бригаде таких кухонь хватало. Даже в пути, к привалу, обед был всегда готов. -Рассказывайте, господин барон, - сказал я Эриху, когда мы остались наедине. И, в общем-то, ничего нового или неожиданного я от него не услышал. Часть его людей, четыре группы по пятнадцать человек, уже в тылу армии Готома. От них пока не было вестей, но их еще никто и не ждал, рейд планировался недели на две. Еще две группы отправятся совсем уж в королевство Трабон, каждая со своей задачей. Ну а остальные его люди находились здесь. ‘Вот и пришла пора для того чтобы понять, что мы с тобой подготовили, - думал я глядя на барона. - И на что потратили такие деньги, что даже вспоминать страшно’. Мало конечно их, людей, подготовленных в Доренсе, но и каждый дорогого стоит. И отменной выучкой своей, и оружием. С самого начала была у меня идея вооружить своих диверсантов бесшумным оружием, и я не успокоился, пока ее не выполнил. Конечно, револьвер имелся у каждого из них, но он для ближнего боя. А для дальнего предназначались карабины. Вот с ними и пришлось помучиться. Внешне они не похожи на то, чем вооружены воины в кавалерийской бригаде, и больше всего напоминали формой ‘винторезы’. Правда, не с такой футуристической формой

приклада и без оптики. Интегрированный ПБС, попросту глушитель, магазин на пять патронов и скользящий затвор. И если с самим глушителем проблем не возникло, иной раз женщину сложнее уговорить, чем его изготовить, цилиндр с многочисленными камерами, то с другой проблемой пришлось здорово помучиться. Просто глушителя на ствол мало, необходима была еще и дозвуковая скорость полета пули. И как определить ее скорость? Что она не требуемая двести восемьдесят-двести девяносто метров в секунду, а все триста двадцать, что уже недопустимо. Ведь основной звук выстрела и происходит после того, как пуля преодолевает звуковой барьер. Уменьшить заряд пороха в патроне тоже не выход. Прежде всего, потому что патроны, кроме револьверных, для всего оружия были унифицированы, здесь мы поскупились во имя экономии. И мы принялись сверлить отверстия в стволе, паля по мишеням после каждой просверленной дырочки, чтобы найти компромисс между потерей мощности выстрела и его громкостью. В итоге своего мы все же добились, на четыреста шагов стрелки уверенно клали пули в центр мишени, причем громкость звука, вернее, почти полное его отсутствие, нас удовлетворило. На таком расстоянии пули входили в дерево примерно на два пальца. Большего и не требовалось. Порох, соответственно, использовался бездымный, какой смысл в отсутствие звука при клубах дыма. Созданный Гобелли с помощью кислоты и растительной клетчатки порох, с которым он меня познакомил еще при первой нашей встрече, в моем мире, по-моему, назывался пироксилиновым. Такой порох боится влажности, но может храниться десятилетиями. При его изготовлении существуют определенные проблемы, связанные с опасностью взрыва, но здесь я вовремя вспомнил о Менделееве с его идеей использовать спирт. Наконец, очнувшись от воспоминаний, я посмотрел на Горднера, и он, в ответ на мой молчаливый вопрос, отрицательно покачал головой: -Нет Артуа, его не достать. На необходимое расстояние к нему не приблизиться. Жаль, очень жаль, половину проблем можно было бы решить одним выстрелом, но теперь уже ничего изменить нельзя. Кто же меня тянул за язык, тогда, почти шесть лет назад? Приберег бы как один из сильных козырей. ‘Посмотрите, господин посол как разлетается на осколки ваша шкатулка. И еще обратите внимание на расстояние до места, с которого был произведен выстрел’. Попробуй, подберись теперь к Готому. Предупрежден - значит вооружен. Можно было бы организовать группу в столицу Трабон, и уж там достать его наверняка бы получилось. Но не дай бог, заказчик убийства стал известен. Тогда все, туши свет, подлое убийство короля! Меня в этом мире

не понял бы никто, даже свои. Пасть на поле брани - это честь, заговор - дело житейское, а вот так… Ладно, чего уж теперь. В конце концов, отсрочку то мы получили. И если бы не Абдальяр… Господи, он то какого хрена в Империи забыл? У меня их двадцать человек, стрелков, способных поразить цель на не представляемой в этом мире дистанции. Они не просто стрелки, они подготовлены так, что могут сутками лежать в засаде без малейшего движения, или незаметно прокрасться до необходимой для выстрела дистанции. И каждая их винтовка, длиной чуть ли не в два раза больше кавалерийского карабина обошлась мне в цену немалого поместья. Скоро им всем найдется работа - выщёлкивать офицеров во вражеском строю. И пусть не благородное это занятие, только о каком благородстве может идти речь, когда в твой дом вломились грабители. Слышал я такой афоризм, что благородное искусство войны умерло в тот миг, когда на поле брани появилась взрывчатка. Значит, завтра оно и умрет, чего уж тут, закладки к утру должны быть готовы. - Мне пора, Артуа, - вновь нарушил молчание Горднер. ‘Извини, Эрих, задумался. Да и о чем было говорить? Давать наставления? И какой в этом смысл? Ты и сам все знаешь отлично’. -Удачи тебе, Эрих, - и я протянул руку. Не принято в среде благородных дворян рукопожатия, все больше поклоны да расшаркивания, но сейчас не тот случай. Горднер крепко пожал протянутую ему руку, надел шляпу и вышел из шатра. Я последовал вслед за ним. На дворе уже смеркалось, и тем ярче горели тысячи огоньков от костров по обоим берегам реки Варент. Эрих одним движением вскочил в седло, махнул на прощание рукой, и в сопровождении своих людей скрылся за соседними шатрами. Удачи тебе Горднер. Там, куда ты направляешься, будет еще сложнее, чем здесь, на берегах чертовой речушки Варент. Там тебе никто не поможет, там все вокруг чужие, и надеяться можно только на себя и на тех людей, которых ты сам и подготовил. Не спалось. Казалось бы, самое время отдохнуть после двухнедельной безумной скачки, с редкими днями отдыха. -Пошли Проухв, посидим с людьми у костра,- обратился я к барону Сейну, занимавшему соседнюю походную кровать в шатре. Тот с готовностью вскочил на ноги. Эх, Прошка, нет в тебе той вальяжности, что присуща людям с благородным происхождением, хоть и титул барона ты носишь уже шестой год. Ничего, не сам, так дети твои ей проникнуться, да вот надо ли? Мы присели к костру, вокруг которого собрались питомцы барона Горднера, те, кто не ушел с ним в глубокий вражеский тыл. У оставшихся другая задача, все они отборные стрелки, лучшие из лучших, потому что посредственных барон не держит. В Доренсе те еще ребята собрались, но воспитание у них

другое, в отличие от гусар. Только в одном оно и сходится: умри - но задачу выполни. Но во всем остальном… Нет в них блеска, незаметные они как тени, ничем внимание не привлекают, пока не увидишь ребят в деле. Диверы, одним словом. Диверами я их сам и назвал однажды, после чего кто-то поинтересовался, что это значит. Пришлось выкручиваться, были, мол, в древности такие воины, и круче свет не видывал. Понравилось им. А слово прижилось. Сначала они сами себя так называли, а затем я его из уст самого Горднера услышал. Один из сидящих возле костра воинов очень напоминал Шлона Брокона. Такой же верзила, и даже усы похожи. Того Шлона, с которым мы когда-то встретились в Стенборо. Сейчас-то Шлон раздался во многих местах, особенно в пояснице. Когда стоит, сверху ему на живот при желании кружку с пивом можно поставить, и не упадет она. Нет, пиво он сейчас не пьет, не солидно ему, крупному винодельцу плебейским напитком баловаться. Вино из его виноградников даже императрице на стол подают. Поставщик двора ее императорского величества, мать его. Все так, как когда-то я ему и обещал. Не знаю, откуда Шлон узнал, что я на войну собираюсь, примчался. Как по тревоге, при всем вооружении. И очень огорчился, когда я его не взял. Теперь уже и сам пожалел. И ему полезно было бы жирок растрясти, да и мне шутки его с прибаутками послушать всегда приятно. Из прежних моих людей при мне только Прошка, Жгут, да Амин, остальные кто где. Кот, один из ‘диких’, к слову сказать, вообще графом оказался, тоже мне Атос. Хотя я в его отношении давно что-то подобное подозревал, слишком уж гладок был его язык, да и обороты речи простолюдинам совсем не присущи. Мечта у него была в ‘дикие’ попасть. И ведь добился своего, начав служить в кирасирах простым солдатом, скрыв свое происхождение. Сейчас он со своим напарником Вороном в Доренсе, инструкторами, кем же еще. Стрельнул сухой веткой костёр, взметнув в темное небо сноп искр и заставив вздрогнуть от неожиданности. Пошли спать, барон Сейн, необходимо выспаться, возможно, завтра все и решится. Глава 4 Праздничный салют Утро началось с густого как сметана тумана, так что в двух шагах были видны лишь смутные тени предметов. От реки доносились тревожные голоса солдат, и крики офицеров, призывающих их к спокойствию. Страхи солдат понятны, враг невидим, и, быть может, он уже перешел реку и ринулся в атаку. Хотя в условиях ограниченной видимости вряд ли Готом начнет сражение. Войсками необходимо руководить, а где здесь такое возможно. Нервничают наши солдаты, что вполне объяснимо: армия Готома еще не знала поражений, и слава о ней идет вполне заслуженная. Воины у него опытные, прошедшие уже

не одну победоносную кампанию. А в имперских войсках довольно много еще не нюхавших пороху рекрутов. Только бы стрельбы не началось, не выдержат у кого-нибудь нервы, примут своих за чужих, а потом попробуй, останови ее, когда в каждой смутной тени видится подкрадывающийся враг. Пока разберутся да образумятся, столько ненужных жертв может произойти. Еще и паника может случиться. Представляю, какой хохот в стане Готома стоять будет, когда там узнают. Слава богу, обошлось, офицеры сумели навести порядок, и до стрельбы дело не дошло. Туман развеялся ближе к обеду, и сразу появилась тревога другого толка: выступит ли Готом сегодня или даст нам еще один день на подготовку. Хотя куда уж больше, все было готово еще до подхода вражеских войск. Полки расставлены, резервы подтянуты, орудийные батареи заняли позиции в соответствии с генеральным планом обороны. Палисады, фашины, для защиты от пуль, связаны, колья, забитые в землю на предполагаемых направлениях атаки вражеской кавалерии, торчат остриями на запад, так что добавить больше уже и нечего. Когда-то давным-давно, несколько столетий назад, именно по реке Пари и проходила западная граница Империи. Ее название со старо-имперского языка и переводится как ‘рубеж’. Вот только провинция Тосвер, бывшая некогда независимым герцогством, никогда не принадлежала Трабону. В принципе, король Готом своей цели в войне достиг, полностью оккупировав провинцию и на большее не претендовал. Пока не претендовал, ведь аппетит, как говорится, приходит во время еды, и к политике это тоже относится. Разве что ему стоило продвинуться к Сверендеру, столице провинции Тосвер. Через Сверендер протекает широкая и полноводная река Сверен, деля город на две части. Река начинается далеко на севере, так что получится естественная граница, разделяющая новые владения Готома и Империю. С высоты холма, на которой находилась ставка герцога, речная долина Пари просматривалась как на ладони, и хороша была видна расстановка наших войск. По центру долины располагался редут. Да что там редут, целая крепость, еще и с окружающим ее рвом. Когда-то на этом месте располагался каменный форт, и редут возвели на его развалинах. На единственной башне, что время не успело разрушить до основания, виднелся имперский флаг, смотревшийся на безветрии тряпкой. В форте, даже на беглый взгляд, было установлено не меньше сотни орудий, и можно себе представить, какая внутри его теснота. Слева от форта проходил имперский тракт, тянувшийся до самой столицы, и имевший название - сверендерский. Основная масса войск и была сосредоточена возле форта. Редутов было построено еще

два, один по другую сторону тракта, почти вплотную к казавшимся с высоты холма бесконечным плавням. Последний редут находился почти на самом краю правого фланга, и уже за ним заняла позицию моя бригада с приданным ей егерским полком. Между правым и центральным редутами имелся огромный по протяженности довольно глубокий овраг, занимавший чуть ли не четверть расстояния между ними. И повсюду, куда не кинь взгляд - войска, войска, войска. Отряды конницы, орудийные батареи, разноцветные прямоугольники пехотных построений казалось, разбросаны по долине в полном беспорядке. Но это кажется мне, человеку, не смыслящему ни в тактике, ни в стратегии ведения войн абсолютно ничего. На самом же деле каждый отряд занимает свое место, знает свою задачу при сложившейся той или иной ситуации. Нет, не быть мне никогда великим полководцем, и слава богу. Слишком уж это цинично: планирование убийства как можно больше чужих людей, при этом стараясь потерять как можно меньше своих. ‘Так-то оно так, - возразил я сам себе, - но только когда дело не касается защиты родины’. Я взглянул на герцога Ониойского, внимательно что-то рассматривающего в бинокль на вражеском берегу Пари, и время от времени задающего вопросы офицерам из своего окружения. ‘Думай, ваше сиятельство, думай, как сокрушить нам войска Готома, вся надежда только на тебя’. Казалось бы, ну что такое сто тысяч человек, что в нашей армии, что во вражеской. В моем времени стадионы на футбольный матч почти столько же собирают. Сейчас же сто тысяч - это армия целой державы, от которой зависит ее дальнейшая судьба. ‘Хорошо, что не мне приходится командовать,- в очередной раз подумал я, в который оглядывая готовящуюся к отражению атаки имперскую армию, - и дело даже не в ответственности. Ведь нужно знать, что делать, как делать и когда делать. Но за свой правый фланг отвечаю я, и мы все там ляжем, но враг не пройдет’. Во время вчерашнего вечернего совещания герцог несколько раз посмотрел на меня, вероятно полагая, что я явился с какими-то особыми полномочиями от императрицы. На самом деле все было не так. По сути, я прибыл сюда чуть ли не как частное лицо, что и попытался ему объяснить. - Господин главнокомандующий, сюда я прибыл только потому, что не смог усидеть в столице, в ожидании новостей с фронта, какими бы они не были. Примерно так, другими словами, я пояснил ему суть своего прибытия. Когда герцог понял это, по-моему, по лицу герцога даже пробежала легкая тень облегчения. Утаил от него я только одно: свое клятвенное обещание Янианне не строить из себя героя - спасителя Империи, не бросаться на лихом скакуне на врага

впереди всех, личным примером зажигая остальных на ратный подвиг. Только на таком условии мне и удалось получить согласие от дражайшей своей супруги. Ситуация довольно для меня неприятная: идет война, а мне, чтобы на нее отправиться, необходимо согласие жены. Чтобы хоть каким-то образом утешить свое мужское самолюбие, пришлось вспомнить анекдот о том, что это у быка жена корова, а у льва, то есть у меня - львица, пусть и весьма прелестная. После того, как между мной и герцогом произошло объяснение, на совещании пропала обстановка небольшой напряжённости. Вероятно, остальные тоже считали, что я всех выслушаю, затем извлеку грозную на вид и по содержанию бумагу, и заявлю: -Господа, согласно эдикту Ее императорского величества командование имперской армией переходит ко мне. Нет, господа, я непременно так бы и сделал, если от этого имелся хотя бы малейший толк. От герцога я получил просьбу разместить своих людей на самом краю правого фланга. Считалось, что наступление Готома пойдет по центру, так что его просьбу можно было понять и так, чтобы я не путался под ногами. В общем-то, логичное решение, я привел с собой немало людей, но под командование герцога их не отдал. И не понятно, чего от меня ждать дальше, ведь мне может взбрести в голову отправить их в атаку не в самый подходящий момент, путая все его планы. Очень хотелось прочесть письмо герцогу от Янианны, мною ему и переданное. Вполне возможно, что в нем и говорилось о том, чтобы постараться удержать меня как можно дальше от мест, где льется кровь и свистят пули. Так что один из флангов самое подходящее для меня место. Хотя с другой стороны именно справа и существовала вероятность того, что войска Готома попытаются обойти нас с фланга. Рельеф местности для такого маневра там не самый подходящий: многочисленные овраги, обрывистый берег Пари, но теоретически - да, возможно и такое. Мне пришлось согласиться с просьбой герцога, а что еще оставалось делать? Разве что отказаться от чести присутствовать в ставке во время сражения. А что, кстати, король Готом? И я направил свой бинокль за реку. Бинокль, конечно, не Цейс, но в сравнении с теми трубами, которыми пользовались до того как оптикой занялся Альбрехт Гростар… Ставка Готома тоже находилась на холме, еще более высоком, чем наш. Так уж тут принято, не на картах воюют стратеги, рисуя на них разноцветные стрелки, а отправляя энергичными взмахами шпаг колонны солдат под барабанный бой на смерть. ‘Нет, не достать до него, нипочем не достать. И не подкрасться, рельеф не тот. Чисто поле, и посреди него возвышается высокий холм. А вокруг войска, войска. Может быть потом, позже…’. Всех нас

весьма волновал вопрос: начнет ли Готом атаку сегодня? Время уже перевалило за полдень, и до темноты сражение явно закончиться не успеет. Ночью никаких военных действий не будет, прежде всего, потому что будет очень затруднительно руководить действиями войск. Быть может, Готом начнет его завтра с утра? Но ведь может случиться так, что и завтра туман раньше полудня не рассеется. Обед, за который мы успели приняться, был прерван вестью о том, что войска противника пришли в движение, и все спешно поднялись из-за накрытого не по военному времени стола. На наших глазах полки Готома перестраивались, концентрируясь у разрушенного моста. Судя по развернувшейся перед нами картине, герцог оказался прав: прорывать нашу оборону противник будет именно в центре. Красивое зрелище, если наблюдать за происходящим в долине с высоты холма, на котором находилась ставка командующего имперскими войсками герцога Ониойского. Ровные разноцветные прямоугольники отрядов, маленькие, чуть ли не крошечные фигурки кавалеристов с блестящими на солнце кирасами и шлемами. Развернутые знамена, барабанщики, горнисты… И все они двигаются, занимая согласно приказам свои места перед атакой. Очень красивое зрелище, если не думать о том, что произойдет меньше чем через час: яростный рев людей, бросающихся друг на друга с желанием убить врага и при этом остаться в живых. Вопли и стоны раненных, ржание умирающих лошадей, едкий, воняющий серой пушечный дым… И мерзкий запах человеческих внутренностей от тел, развороченных пушечным ядром или сабельным ударом. Воды реки Пари непременно покраснеют от крови. Хотя, быть может, этого не произойдет, возможно, это только легенда. Но как не хочется убеждаться ни в том, ни в обратном. И все же не один я из присутствующих в ставке герцога облегченно вздохнул. Нет, не потому что нам хотелось как можно быстрее вступить в бой. Просто слишком уж много нервов тратилось в ожидании неизбежного. Так, мне пора на правый фланг, здесь, в ставке герцога я буду только зрителем. Герцогу несравненно лучше знает, что и когда ввести в бой, скорострельность пушек и дальность полета их ядер, когда следует бросить в горнило войны очередную порцию пушечного мяса. А свое личное мужество я смогу показать и в том месте, что им определено мне в соответствии с общей стратегией. Я на военный манер взял под козырек шляпы двумя пальцами, давая понять герцогу, что отправляясь туда, где он и желает меня видеть. Герцог, в это мгновенье оторвавшийся от окуляров бинокля, кстати, мною ему и подаренного, ответно кивнул, тут же припав к нему снова.

Вскочив на гарцующего Ворона, придержанного Проухвом, я отправился на фланг. Нет ничего зазорного в том, что Проухв держал мне коня. Пусть он сам сейчас барон, но я-то и сам давно уже даже не граф. Ворон всхрапнул, и с пары скачков взял карьер, так умеют только аргхалы. Ничего, остальные догонят, не тот случай, чтобы ехать в окружении свиты. Ворону уже одиннадцать лет, он только вступил в пору своей зрелости и лет десять конь мне еще точно послужит. А затем, затем займется своим любимым занятием - плодить маленьких воронят, отличное занятие на пенсии. Ворон шел немного нервно, это чувствовалось, мы давно друг друга понимаем так, что иногда даже мистикой попахивает. Его состояние понятно, я сам в крайне возбуждённом состоянии, что понятно тоже. Взлетев на пригорок, где расположились граф Антонио фер Дисса с несколькими офицерами бригады, а также командир егерского полка фер Бауча, вместе с нами занявшего позицию на самом краю правого фланга, я соскочил с Ворона. -Приветствую вас, господа. Судя по всему - началось. Наверное, следовало сказать какие-нибудь слова ободрения, или провозгласить твердую уверенность в нашей победе. Только не те это люди, что нуждаются в словах ободрения. Графа Антонио фер Дисса я нашел благодаря Янианне. Вернее, получилось следующим образом. Полностью искоренить дуэли нам не удалось, но резко сократить их число все же получилось. Созданный еще несколько лет Дворянский суд чести разбирал каждый состоявшийся поединок, и в том случае, если, по его мнению, повод для вызова был незначительным, он составлял свое мнение и ходатайствовал перед императрицей о наказании дуэлянтов, одного или обоих сразу. Одно из таких ходатайств я и увидел у Яны на столе в кабинете. Состоявшаяся дуэль графа фер Дисса с еще одним графом, Додом Сарандером, получила широкий резонанс. Как же, оба они блестящие фехтовальщики, одни из лучших, если не лучшие в Империи. Антонио дуэль выиграл, и на очередном заседании причины для вызова графом фер Дисса графа Сарандера, показались суду не слишком очевидными. Конечно же, суд пришли к выводу, что фер Дисса следует примерно наказать. Что удивительно, среди участников суда оказалось на редкость много родственников его оппонента, хотя при формировании как раз этому моменту и уделялось наибольшее внимание. С самого начала его работы хотелось бы видеть, чтобы представителей от всех наиболее значимых родов Империи было поровну, ведь только в этом случае можно надеяться на объективность при вынесении судом вердикта. Антонио я знал задолго до этого, наши пути пересекались, и не раз. Как выяснилось позже, он даже принимал

участие в битве при Кайденском ущелье. Кстати, выяснился сей факт вовсе не от него самого, что, в общем-то, делало ему честь. При моем нынешнем статусе довольно часто вовсе незнакомые мне люди старались напомнить о том или ином событии, в котором оба мы, как оказывается, присутствовали. Причем они, как правило, еще и успевали оказывать мне помощь, чуть ли не жизнь спасали. Даже удивительно, откуда у меня в прошлом было столько проблем, пол-Империи мне всегда помогало, проникнувшись симпатией с первого взгляда. За графа просил один из его родственников. Вот он-то и поведал мне о присутствии фер Дисса в Кайденском ущелье. Конечно, не это сыграло ключевую роль, Антонио в ситуации с дуэлью против Сарандера был прав на все сто. Короче, я в очередной раз заявил Янианне, что этот человек мне нужен. Чтобы ситуация не выглядела слишком уж предвзятой, сказал, что фер Дисса наказать обязательно нужно, но совсем не обязательно подвергать его опале, разжаловать в рядовые или лишать дворянства. Достаточно объявить об его отставке из имперской армии. Помню, тогда она мне заявила: -Дорогой, у меня складывается впечатление, что ты собираешь у себя самых проблемных людей Империи. И к чему бы это? Тут и выяснилось, ей донесли о том, что я однажды выкупил человека из пут имперского правосудия, который ныне работает инструктором в Доренсе, и она как раз жаждала поговорить со мной на эту тему. А тут и случай подходящий появился. Тогда я ловко выкрутился из ситуации, заявив, что мне трудно соображать, о чем-либо вспоминая, когда на меня смотрят глаза такой потрясающе красивой женщины. Затем и вовсе увел разговор в сторону, внезапно вспомнив, что только что отпечатан новый любовный роман. И не просто роман, а продолжение истории о трагической любви, так внезапно прерванной в прошлой книге на самом интересном месте. Антонио мне отдали. Подумаешь дуэль, в которой даже и погибших то нет, когда бедная Изольда, героиня романа, так переживала о том, что ее возлюбленному Буриасу наговорили о ней много всяких гадостей. И совсем не известно, как теперь он поступит, тем более что негодяйка Панея уже и так почти его соблазнила. В одном Янианна права, мне действительно хотелось видеть в своем окружении не тупых исполнителей, а незаурядных личностей. Фер Дисса, несомненно, таким и являлся. Антонио, высокий брюнет возрастом что-то около тридцати, на роль командира только начавшейся формироваться бригады полностью меня устраивал. Из семьи потомственных военных, неплохой офицер, он вполне смог бы уже сделать себе карьеру, если бы не его склад характера. Ведь давно уже известно, что офицеры

бывают созданные для войны и для мирного несения службы. И вот он-то как раз не из последней категории. Ну а мне как раз такие и были нужны люди его склада. Мне удалось уговорить фер Дисса занять предназначенное ему мной место. Для начала пришлось убедить, что бригада моя не потешный полк мающегося дурью и не знающего, куда потратить излишки золота человека. Мы долго говорили о задачах, стоящих перед человеком, что должен занять этот пост. Затем я, как бы невзначай, похвастал своим револьвером и даже предложил из него пострелять. Похвастал, якобы совсем не ведая о том, что фер Дисса не меньше чем Анри Коллайн поклонник огнестрельного оружия, с которым они часами могли разговаривать на эту обоих их живо интересующую тему. Потом немного ему пособолезновал, когда выяснилось, что такое оружие невозможно купить нигде, и ни за какие деньги. Ну и еще обмолвился о том, что все офицеры формирующейся бригады будут иметь их, в качестве личного оружия. Не только офицеры, и не только револьверы. И мы поладили. И второй, командующий полком конных егерей, барон Эрест фер Энстуа. Тоже молод, не больше тридцати, но, в отличие от Антонио, всегда серьезен. Несмотря на отсутствие протеже и не знатность рода уже командует полком. Отлично проявил себя во время карательной экспедиции в степи вайхов, после очередного их визита в имперские города. Никакой излишней жестокости, но и никакого миндальничания. Пришел и сделал свое дело, причем сделал качественно. Фер Энстуа я знал, будучи еще сам бароном. Однажды мы повстречались с ним, когда я со своими людьми преследовал Говальда, жестокого бандита, объявившего себя владыкой Майронских лесов. Затем, при разных обстоятельствах, мы встречались еще пару раз, и вчера приветствовали друг друга уже как добрые знакомые. Так что не нуждались оба этих человека в подбадриваниях или словах напутствия. То, что прикажут - сделают, при нужде не побояться взять ответственность на себя, и мы лишь обменялись парой ничего незначащих слов. Егеря фер Бауча одни из первых в Империи получили нарезные капсюльные штуцеры. Они и с гладкоствольными ружьями порой умудряются вытворять чудеса, так что штуцеры пришлись им впору. Конечно, это не затворные карабины людей Антонио фер Дисса, но винтовок хватило только для них, да для императорской гвардии. Гвардия, она и есть гвардия, к тому же одной из ее обязанностей является охрана императорского дворца. Оба гвардейских полка тоже присутствовали здесь, в местечке Варентер, где уже начинало разворачиваться сражение. Занятая позиция егерями и кавалеристами фер Дисса несколько выдавалась вперед в общем

построении войск, так что картина предстоящего сражения виднелась как на ладони. При помощи неплохой оптики, конечно. Герцог оказался прав - атаку войск Готома следовало ждать именно по центру. Хотя, на мой взгляд, ширина речной долины не слишком-то и предполагала других вариантов развития событий. Именно в центре и была сконцентрирована основная часть имперских войск. Что, в общем-то, тоже логично, ведь при атаке по флангам именно оттуда быстрее всего получится перебросить часть войск в любом направлении. Там же находился и один из двух гвардейских полков, правда, во второй линии обороны. Спешенный, он даже с такого расстояния выделялся ярко горящими на солнце кирасами и шлемами с плюмажем. Второй полк гвардии был отведен в тыл и находился в резерве. Затем я снова перевел взгляд на приближающегося врага. Передовая часть войск Готома, следующая несколькими колонами, уже успела сблизиться на расстояние пушечного выстрела и началось. Грохот орудий слился в сплошную канонаду, и местность перед фортом быстро заволокло дымом. Выстроенные перед фортом пехотные полки палили залпами, добавляя в общую картину сражения и грохот и дым. Тактика ведения огня пехотных войск тоже заключалась в плутонгах, когда первая шеренга, произведя залп, падала на колени, давая возможность выстрелить следующей. Стрельба при этом ведется шеренгами, поочередно, и, когда залп производился последней шеренгой, первая должна уже была перезарядить ружья. Затем он снова производила залп, и все повторялось по кругу. В этом мире ничего нового придумать не сумели, да и что тут придумаешь с ружьем, заряжающемся со ствола. Полк разделен на три батальона по пятьсот человек. Выстроен он по-батальонно, в шеренге сто человек, а всего их пять. Темп стрельбы у наших пулеметов пятьсот-шестьсот выстрелов в минуту. Получается, батальон можно заменить одним пулеметом, и плотность огня у него окажется примерно такая же. При условии, что численность полка в имперской армии составляла порядка полутора тысяч человек, то любой из них по плотности огня легко заменить можно тремя пулеметами. Ведь времени, потраченного на то, чтобы передняя шеренга припала на колено, а следующая успела навести ружья на цель, с лихвой хватит на то, чтобы перезарядить пулемет. Была у меня мысль поставить часть пулеметов на самом опасном участке, и я даже поделился ею с герцогом. Что представляет собой такой механизм, он знал, мы устроили своего рода презентацию для него и нескольких высших чинов имперской армии еще несколько месяцев назад. Чего уж тут говорить, все они были впечатлены, но когда дошло до

возможности применить их в деле, герцог надолго призадумался, но затем решительно покачал головой в отрицании - нет. Не знаю, почему он принял такое решение, но настаивать на своем мнении я не стал. И теперь посчитал что зря, ведь кроме эффективности пулеметного огня существует еще и немалый психологический фактор. Король Готом о новом оружии знал тоже, когда-то мне пришлось продемонстрировать пулемет его послу в Империи, в качестве устрашения и предостережения. Тогда я считал, что нам удастся наладить пусть и не массовый выпуск, но несколько сотен экземпляров успеем сделать точно. Увы, как говорится: было гладко на бумаге… Тем временем пехота Готома, несмотря на потери, сблизилась с передовыми построениями имперских войск. Ветра почти не ощущалось и низину все больше заволакивало пороховым дымом, сделав видимость просто отвратительной. Происходящего у форта было не разобрать, но судя по тому, что батареи форта смолкли, оборона прогнулась. На холм, к ставке герцога, примчался одинокий всадник, и, после нескольких мгновений ожидания, уже трое их, очевидно посыльных, поскакали в разные стороны. Можно не сомневаться, герцог отдает приказы, выправляя положение. И действительно, часть имперских войск пришла в движение, направляясь к форту, главнокомандующий вводил часть резервов. Гвардия оставалась пока на месте, хотя один из всадников прибыл и к ним. Потери у Готома должны быть, куда им деться. Все же применение новых пуль давало возможность начать стрельбу на расстоянии, ранее недоступном. Задолго до сближения войск, вперед выскочило с сотню застрельщиков. Все происходило как обычно, в застрельщиков отбирают самых метких стрелков, но на этот раз в руках у них были нарезные ружья, которые смело уже можно называть винтовками. Конечно, комариные укусы, но солдаты видели, что свои, что чужие - стрельба ведется с недоступного прежде расстояния, и стрельба не напрасная. Где-то там, в дыму, действовали и полтора десятка стрелков из Доренса, вооруженных винтовками, обогнавшими свое время на добрые пару столетий. Пусть и несерьезно количество, но и цель у них особая - офицеры армии Готома, то, чем сильна любая армия. Помимо выучки, вооружения и боевого духа, конечно. Пяток таких стрелков осталось при мне, и на них у меня имелись особые планы. Холм, на котором находится штаб короля Готома, виден отлично. И даже фигурки, если хорошенько присмотреться в бинокль, можно разобрать. Но далеко, черт возьми. А вот если в нужный момент попытаться совершить прорыв всей бригадой, чтобы выйти на расстояние верного выстрела для моих новоявленных снайперов… Пусть даже самого

Готома достать не получится, но проредить число его генералов… И я старательно гнал эту мысль глубоко внутрь. Вот к полку тяжелых кирасир от ставки герцога направился гонец, вот он достиг его, уже заметно шевеление… Неужели герцог решил атаковать конницей? Но ей же негде будет развернуться в боевой порядок, и скорость набрать не получится. Слишком сложный маневр среди войск, чтобы создать для кирасир нужный коридор в стоявшей перед ней пехоте. Но как будто бы нет, кирасиры остались на месте. Может быть, мне следует прибыть в ставку герцога, проникаться, так сказать, чужой военной мудростью? Но что это даст, раньше надо было начинать, лет пятнадцать-двадцать назад. Поднимался ветерок, дым понемногу рассеивался, и картина сражения становилась все более зримой. Так, а ведь Готом отступает, вернее, возвращается на свои позиции. Колонны Готома отступали организованно, в строгом порядке, с развевающимися над ними знаменами. Интересно, почему он не бросил в бой подкрепления? Ведь у него их достаточно, Готом ввел в бой не больше трети войск. Герцог не стал отдавать приказа на преследование отступающих вражеских войск, и это, наверное, правильно. Вдруг за отходом Готома стоит какая-нибудь уловка. А вот это уже было интересно посмотреть. Снова вперед высыпали застрельщики, провожая уходящего противника прицельным огнем. Строй одной из колонн не выдержал, задние напирали на идущих впереди, чтобы поскорее покинуть зону огня. Наконец, колонна рассыпалась, солдаты бегом покидали опасное место. Порядок быстро навели, но на земле осталось довольно много фигурок, даже отсюда было заметно, что их было немало. Мы простояли в ожидании повторной атаки Готома около двух часов, и уже начало смеркаться, когда поняли, что на сегодня войны больше не будет. Спустя полчаса прискакал гонец, с приглашением прибыть в ставку. Совещание в шатре герцога происходило примерно также как и накануне. Никаких победных реляций, спокойная деловая обстановка. Все понимали, что сражение еще не выиграно, оно даже еще и не начиналось. Потери оказались выше, чем я смог предположить, примерно полторы-две тысячи солдат с каждой из сторон. После этого язык не поворачивался назвать произошедшее днем боевой ничьей. Затем последовал ужин, на котором герцог и зал мне свой вопрос: -Господин де Койн, вы не могли бы передать часть своих… как их там? Я помог ему: -Пулеметов, господин герцог. Я не стал придумывать особого название для появившегося оружия, попросту соединив ‘пуля’ и глагол ‘метать’. И еще я был благодарен герцогу за то, что он не стал обращаться ко мне ‘ваше величество’. -Хорошо, господин

герцог, у меня всего семь, и четыре вы получите в свое распоряжение, я сразу же отдам приказ. Отдавать их все, так это мне нож к горлу приставить нужно. Не отдавать вовсе, так могут и простоять без дела, в то время как будут гибнуть люди. Сначала я хотел оставить большую часть себе, затем оставить всего два, пока наконец не озвучил количество. Будет герцог настаивать, отдам еще один, но не больше. Но тот только удовлетворенно кивнул. Есть у меня в наличии еще и три орудия, которым тоже сегодня не нашлось применения, но разговор о них не зашел. Мы надолго засиделись в шатре после окончившегося ужина, и когда, я, наконец, покинул его, было далеко за полночь. Граф фер Стяну, покинувший шатер вместе со мной, пошутил, что только благодаря ему мне и удалось найти свое семейное счастье. В ответ на мой молчаливый вопрос, он заявил: - Ведь именно я подал представление о награждении вас орденом после сражения в Кайденском ущелье, после чего вы и попали на бал в императорский дворец, где познакомились с Ее величеством. И он хитро посмотрел на меня. ‘Что ж, определенная логика в его словах есть’, - мысленно согласился я. -И чем я смогу выразить свою благодарность, господин граф? - пришлось поинтересоваться мне. -Да я, в общем-то, и сам рад, что два хороших человека нашли друг друга, и этого для меня вполне достаточно. - С самым задумчивым видом произнес он. - Правда, слышал я, что ваш Ворон принес вам еще одного аргхала. Голос графа звучал совсем уж невинно. Это действительно было так. Аргхалы - особая порода лошадей, и получить от них такое же потомство действительно трудная задача. Нет, жеребят они производили с завидной регулярностью, но буквально единицы из них были именно аргхалами. Отличить наследников аргхальских кровей чрезвычайно просто - по угольно-черной масти. Так вот, с полгода назад одна кобылка после любовной связи с Вороном принесла сразу двух жеребят, и оба они оказались именно такими - цвета антрацита. Мы с хозяином кобылы их поделили. Но ведь каков наглец, этот фер Стяну, а? И все же он прав. Не попади я тогда во дворец, возможно, наша встреча с Яниannой вообще бы не состоялась. С другой стороны, сама она говорила о том, что видела меня и раньше, причем не один раз. По ее словам, именно поэтому наша самая первая встреча и получила продолжение. Тогда… В темноте, где-то за расположением войск Готома, в небо взметнулось пламя, и уже затем послышался грохот далекого взрыва. -Горднер, - вырвалось у меня. Вернее не сам Горднер, его питомцы. Сам Эрих еще с несколькими парнями из Доренса должен быть далеко отсюда, на пути к королевству Трабон. Налегке, только с самым необходимым. Зачем везти с собой то,

что давно уже находится на территории, принадлежащей Трабону. Он сам их и делал, закладки. И не только в Трабоне. Частью он пользовался нашей собственной агентурой, частью ей поделился граф Сток, начальник Тайной стражи, все-таки общее дело делаем. После разговора, в течение которой я объяснил ему цель таких закладок, он проникся и пошел навстречу. Так что лежит в них с избытком все, что Горднеру понадобится в самое ближайшее время. А то, что мы видим сейчас перед собой, работа его ребят, оставшихся здесь. Не иначе пороховой склад взорвали. Герцог Ониойский, вышедший из шатра на звуки далеких взрывов и присоединившейся к нам, посмотрел на меня, но не сказал ничего. -Король Готом решил праздничный фейерверк устроить, ваше величество - попытался пошутить один из офицеров из его свиты, подобострастно заглядывая мне в лицо. Вот потому-то ты и не в бригаде фер Дисса, уважаемый, хотя давно и старательно пытаешься в нее попасть. Не нужны там такие, у них другие ценности в ходу. А вы, господин фер Стянуа, получите своего жеребенка, обязательно получите. Только бы завтрашний день для нас удачно закончился, это главное. Глава 5 Назавтра проснулись рано, еще до рассвета. Тумана не было, и это с большей степенью вероятности говорило о том, что сражение начнется с самого утра. За завтраком в шатре герцога доложили, что ночью в стане Готома опять был переполох, снова что-то взорвалось, но такого фейерверка как вчера уже не было. Работают люди Горднера, работают, и главное, чтобы не попались. Хотя и знают они немного, да и люди все как на подбор, но развязать язык можно каждому. Затем нетрудно будет узнать методы подготовки, возможности, вооружение, и, как следствие, составить необходимые меры для противодействий. На века, конечно же, все это не скроешь, но и задачи такой нет. Главное выиграть эту войну. От предложения герцога остаться при ставке, я отказался. Даже при его гибели командование мне не отойдет, да я и сам его не возьму. Ведь тут именно командовать нужно, а не увлекать за собой личным примером, так что какой смысл. Перед тем как вернуться к себе на правый фланг, заехал к пулеметчикам. Все же герцог не до конца доверял новому оружию, и потому их позиция оказалась не на самом переднем крае, а в глубине обороны. Во втором эшелоне, если можно так выразиться. ‘ Будто заградительный отряд получился, - усмехнулся я про себя. - Ведь если передовые части начнут отступать, то стрелять по врагу будет невозможно, только по своим’. Чтобы объяснить ситуацию, пришлось возвращаться к герцогу. В принципе, моей власти вполне хватило бы на то, чтобы передвинуть позицию пулеметов с четверть лиги влево, на

вершину невысокого холма. По крайней мере, в этом случае появляется возможность палить через головы своих солдат. Но пользоваться ею не стал, армия - это единоначалие, уж настолько и я понимаю. Герцог, в ответ на мои объяснения, легко пошел навстречу. И даже дал приказ убрать с пригорка, куда я намерен был переместить пулеметы, батарею из трех пушчонок. Вот и славно, мешать друг другу не будут. В пулеметчики мы отобрали наиболее толковых ребят. Ведь то, с чем им приходилось сталкиваться раньше, ни в какой степени не было сравнимо с новым оружием. Со стороны пулеметы смотрелись не очень внушительно: высокие, значительно выше тележных, стальные колеса, и блок из пяти стволов, вращающихся вокруг центральной оси. Внешне пулемет получился весьма похожим на изобретение Гатлинга, по крайней мере, как я его помнил. Ну и принцип работы тот же самый. Несложный механизм с рукояткой приводил во вращение стволы. Под собственным весом в ствол, оказавшийся на самом верху, подавался патрон из кассеты емкостью в сто патронов. Плюсов у такой системы куча: стволы, не смотря на изрядно плохое качество металла не перегревались, поскольку крутились вокруг центральной оси с приличной скоростью, успевая за оборот охладиться. Осечка тоже не являлось проблемой - не выстреливший патрон вываливался, когда ствол оказывался внизу. Пулемет был не требователен к качеству пороха, отлично подошел и дымный. И скорострельность вполне нас устраивала, порядка пятисот выстрелов в минуту. Минусы были тоже, куда от них деться. Тяжелый и неповоротливый, ему даже до пулемета Максима было ох как далеко. Правда и война сейчас еще не такая маневренная, какой она станет в будущем. Каждый гатлинг обслуживала команда из шести человек. Прежде всего, конечно же, наводчик. Следом шел человек, крутивший рукоять для вращения стволов, так и хочется назвать его оператором. Ну и остальные четыре - заряжающий, помощники всех перечисленных и коновод прикрепленной к каждому пулемету упряжки. Сюда пулеметы мы доставили на повозках, и собирали их уже на месте, из опасения, что при транспортировке свои ходом у них возникнут поломки. Собранный пулемет никого из окружающих не впечатлил, митральезы - орудия с множеством стволов ружейного калибра давно существовали и в этом мире. Только на них и до сорока стволов доходило, а здесь их всего пять. А в работе их видели считанные единицы. Да и то, герцог тоже ведь видел, но так и не проникся. Ну да, одно дело в белый свет палить, а другое в плотную колонну наступающего неприятеля. ‘Хотя, возможно, герцог не выставил их впереди из опасения, что они достанутся

врагу', - размышлял я, уже подъезжая к месту, где расположилась бригада фер Дисса. Позиции оставшихся в моем распоряжении трех пулеметов были оборудованы что надо. Сложены брустверы из заполненных глиной мешков, распределены сектора для стрельбы, и замерены дистанции до ориентиров. Еще бы пристрелять следовало, ну да ладно, по ходу дела разберутся: на учебных стрельбах патронов сожжено немало, не экономили. В тылу, в поросшей ракитником низинке, стояли наготове лошади, на случай экстренной эвакуации гатлингов или смены позиции. Она тоже было готова, запасная позиция, на случай отхода войск, для прикрытия. Проблемы, кругом одни проблемы. Для стволов нужен качественный металл, с добавками, а где их взять? Мы с трудом дотянули до ресурса в семьсот выстрелов у винтовок, что стреляли патронами с бездымным порохом. Бездымный порох был очень сложен в изготовлении, отсюда и его дороговизна. Патроны с ним изготавливались поштучно, вручную, работа тонкая, ювелирная, недаром же при их изготовлении ювелирными весами пользуются. И на все деньги, деньги, где их только брать? В принципе, была неплохая возможность заработать, как раз на Готоме, вернее на войне, которую он развязал. Управляющий всеми моими делами Герент Райкорд чем-чем, а отсутствием нюха на возможную прибыль никогда не страдал. Посчитав войну с Трабоном неизбежностью, Герент вложил значительную сумму в покупку муки и зерна. Во время войн цены на продукты первой необходимости всегда взлетают, а учитывая то обстоятельство, что Готом претендовал на провинцию Тосвер, основную имперскую житницу, нетnbsp; рудно было предположить, стоимость какого именно товара взлетит вверх больше всего и в первую очередь. Хотя плодородной земли в Империи хватало, и климат благодатный, что позволяет снимать два урожая в год, но людей, чтобы их освоить, нет. С Герентом у меня всегда были самые доверительные отношения, я полностью полагался на его нюх и деловую хватку, так что количество муки, лежавшее на складах, стало для меня полнейшей неожиданностью. После чего у нас и состоялся разговор, в конце которого он сказал: -Почему-то так я и думал. И ничего удивительного Герент, мы ведь знаем друг друга не один год. Я успел убедиться в твоей порядочности и хватке, ну и ты тоже не питаешь по отношению ко мне лишних иллюзий. В общем-то, на сумму, потраченную им на приобретение запасов муки и зерна, случись такое единовременно, я непременно обратил бы внимание. Но он не изымал из оборота большие деньги, а на малые я попросту не обращал внимания, зная его многочисленные проекты, к слову говоря, в подавляющем большинстве удачные. До годового

отчета, когда меня ждала кошмарная неделя рытья в финансовых документах, в попытке найти что-нибудь предосудительное, было далеко, так что он своим заявлением застал меня врасплох. Конечно, Империя имела стратегический запас и муки и зерна, на случай неурожая или именно для такого случая, но его бы явно не хватило, чтобы удержать рынок в спокойствии. И самым глупым в этой ситуации стала бы попытка назначить фиксированную цену, ведь никогда и никому такое действие не помогало. В этом смысле даже неважно, как скоро закончится война, и даже чьей победой. В конце концов, Готома из провинции Тосвер мы изгоним, нисколько в этом не сомневаюсь. Как не сомневаюсь и в том, что провинция будет разорена, уж он то постарается. Так что в любом случае ближайшего урожая нам не видать. Вот об этом у нас с Герентом и состоялся разговор. Он получил указание постараться удержать цену продажей партий муки и зерна, имеющихся у него на складах. В принципе, денег мы не теряли, но и лишались возможности заработать их много. Да и как тут заработаешь, на любимой от создавшейся ситуации лица не будет, а я постараюсь использовать момент. От грустных размышлений меня отвлек голос фер Дисса: -Они пошли. С высоты холма, где я уже привычно находился, хорошо было видно, что Готом двинул свои войска вперед. Основной удар, судя по построениям колонн, он, как и вчера, опять направил по центру обороны имперской армии. Только сейчас его штурм собирался быть куда более решительным. Не понимаю, что дала ему вчерашняя атака. Скорее, она даже сыграла ему во вред. Пусть она вчера и не была затяжной и сильной, но имперская армия смогла убедиться, что противник вовсе не такой уж и непобедимый. И то, что он также как и все остальные может и отступать, и падать замертво от пуль, ядер или клинков. Во время сегодняшнего утреннего совещания эта мысль неоднократно озвучивалась. Как все-таки много зависит от боевого духа солдат. Колонны солдат Трабона медленно, но неуклонно приближались, армия Империи застыла в ожидании, пройдет не так много времени и они сблизятся. На моих глазах вперед высыпали застрельщики, именно они первыми начинают бой. В бинокль хорошо было видно, как они, припав на одно колено, выжидали, когда противник приблизится на расстояние верного выстрела. Вот появились и дымки от их выстрелов. В армии Готома первые потери, падали идущие впереди. Колонны сомкнув строй, продолжали идти дальше, под мерный барабанный бой. Барабанов много, и даже сюда доносится их мерный грохот. Есть в нем что-то завораживающее, в бое барабанов. По-разному звучит он для своих солдат и для вражеских. Когда враги

сблизятся и бросятся в атаку, бой барабанов станет совсем уж частым, словно вторя топоту ног бегущих людей. Быть может для этого он и нужен? Говорят, у страха глаза велики, а здесь еще и барабанный бой подтверждает то, что увидели испуганные глаза: противника много больше, вон как гремит земля под его ногами. Протяжный свист отвлек меня от созерцания речной долины, где с минуты на минуту должно было начаться генеральное сражение, и я повернулся на его источник. Свистел фер Дисса, совершенно позабывший в этот миг о том, что свистеть людям его происхождения и его положения крайне неприлично. Но я отлично понял его, сам бы засвистел, если бы не открыл рот от неожиданности. Да уж, настал и наш черед. И черт бы меня побрал со всеми потрохами, если мы не станем героями все, задержи это хотя бы ненадолго. ‘А вдруг эти всадники - варды?’, - промелькнула в голове надежда на чудо. Крохотные фигурки скачком приблизились, когда я поднес бинокль к глазам. Всадники, много всадников, очень много всадников. И показались они с той стороны, откуда меньше всего их ждали. -Вайхи, - произнес стоявший рядом со мной командующий егерями фер Бауча, не отрываясь от окуляров. Что варды, что вайхи - народ степной, и все же они отличаются. Фер Бауча знаком с вайхами неплохо, так что его словам можно доверять. Да и не могут появиться здесь варды, как бы мне этого не хотелось, слишком уж это будет похоже на чудо, случившееся в нужный момент. -Вайхи не одни, - сказал фер Дисса. - С ними трабонская конница - тяжелые кирасиры. - Не меньше двух полков, - после секундной паузы добавил он. Затем они оба, вскочив на коней, отправились к своим людям. За спиной, в долине, слышался уже грохот сражения, и он нарастали с каждой секундой. Но было уже не до него, теперь у нас своя задача - не допустить удара вражеской кавалерии во фланг. Вероятно, ее подхода и ожидал король Готом, чтобы приступить к решительным действиям. А вчера была так, разведка боем. Но где же была наша разведка, конные разъезды, обязанные предупредить о подходе врага? Ведь передвижение такой массы войск очень сложно не заметить. С холма хорошо было видно, как перестраиваются егеря фер Бауча и кавалеристы Антонио, готовясь к отражению атаки. Егеря выстраивались в каре, у них дульнозарядные винтовки, пусть и с капсюльным замком. У людей фер Дисса тактика несколько другая, так ведь и оружие у них иное - кавалерийские карабины, пусть и однозарядные, но с затвором. Скорострельность такого карабина - выстрелов семь в минуту, что с учетом запаса в полста патронов минут на десять боя. А дальше, дальше они будут атакованы кавалерией и единственной защитой от нее станут

пики. В тот миг я мысленно клял себя последними словами за то, что передал в распоряжение герцога четыре из семи пулеметов, потому что три оставшихся казались против приближающейся массы всадников такой несерьезной мелочью. Кроме того приказал дир Месса отослать половину его людей в резерв ставки. Мысль показалось мне тогда далеко не самой глупой, потому что тысяча прекрасно для этой эпохи вооружённых и отлично обученных всадников могут в нужный момент повлиять на исход битвы, а то и переломить ее. Но кто же тогда мог знать, что все обернется именно таким образом? И теперь мы остались полторы тысячи против… сколько их там? Тысячи три с половиной, а то и все четыре. Двух полков тяжёлых кирасир, усиленных степной конницей вайхов для прорыва по флангу будет вполне достаточно. Вайхи кто угодно, только не трусы, да и воевать они умеют. И пусть в ставку уже послан гонец с сообщением, пусть герцог немедленно примет решение в изменившейся обстановке… И если он даже примет решение послать войска нам на помощь, а не создать новую линию обороны, воспользовавшись тем, что мы на какое-то время сумеем их задержать, что было бы более логично, то даже в этом случае существует вероятность того, что будет очень много погибших. И как поступить мне лично? Бросить людей, которых я сюда привел? Ведь война даже в случае проигранного сражения не закончится, и у меня будет время осознать все и подготовиться к следующей битве лучше. Невдалеке лихорадочно передвигали пулеметы, устанавливая их на новую позицию. Она не была подготовлена на том направлении, с которого приближалась вражеская конница. Кто же мог знать, что Готом сможет зайти почти в тыл. Нет, король Готом как стратег нисколько не хуже, чем все его превозносят, нисколько. Среди пулеметчиков виднелась широченная спина барона Сейна, бросившегося им на помощь. ‘Давай Прошка, давай, - думал я, наблюдая за всем этим. - Три пулемета - это практически все, на что у нас есть хоть какая-то надежда’. Вражеская конница приближались все ближе. Вот до них осталось две имперские лиги - четыре земных километра. Расстояние до них точное, там расположено несколько деревьев и они как раз поравнялись с ними. Сейчас они пустят лошадей в галоп, и, учитывая то, что вайхи вряд ли станут вырываться вперед, а тяжелым кирасирам быстрее двадцати километров не разогнаться, остается минут десять-пятнадцать до того, как все они сблизятся с нами вплотную. И здесь станет очень жарко. ‘Нет бы дураку, в ставке остаться, ведь предлагал герцог, даже настаивал. Да и сейчас еще не поздно. И повод отличный - за подкреплением’. Лицо растянула улыбка, наверное, не слишком

уместная в тот момент. Слитно грохнули все три наши пушки, установленные на опушке небольшой рощицы, по-моему, кленовой. Пушки отличные, скорострельность у них ничуть не меньше чем у карабинов, и даже противооткатное устройство имеется. Но и беда все та же - низкое качество металла у стволов. Не вынесут они интенсивной стрельбы, именно потому их так мало. Отработанной технологии производства недостаточно, необходимы присадки в сталь, а где их взять, если они все еще неизвестны, и я в этом не помощник. Одна надежда на открытые мной при столичном университете факультеты металлургии и горного дела, но когда от них еще будет толк. Но в создавшейся ситуации орудия мы беречь не будем. Снова орудия дали залп, и в бинокль хорошо было видно, что снаряды легли в цель. Снаряды шрапнельные, и трубки установлены как раз на эту дистанцию. Когда враг подойдет вплотную - будем бить его картечью. Вайхи действительно не стали вырываться вперед, следуя по обеим сторонам от кирасир Готома. Вот все они перешли в галоп. Снова разрывы снарядов, и на это раз они тоже оказались там, где я и хотел бы их видеть. Конница неслась уже на полном скаку, стремительно сокращая разделявшее нас расстояние. Все, дистанция пулеметного огня. Я взглянул на пулеметы, на людей застывших у них и ждавших только команды. Ну что же вы, черт бы вас всех побрал, куда уж тянуть дальше? Словно услышав мои мысли, Прошка махнул рукой. Смотри-ка, он сам себя в командиры пулеметной роты произвел. Хотя какая же это рота, пулеметы и в полном составе до нее не дотягивали. Первым заработал пулемет, установленный посередине. Спустя несколько мгновений к нему присоединился еще один, и уже потом, снова через небольшой промежуток времени, начал стрелять последний. Пулеметчики плавно водили блоками стволов из стороны в сторону, конструкция им это позволяет градусов на тридцать. Их помощники, уж не знаю, как их и обозвать, так же плавно крутили рукоятки, приводившие стволы в движение. Все это было отработано заранее, мы добивались того, чтобы стволы у всех пулеметов крутились с одинаковой скоростью. Это важно, потому что когда замолк пулемет, что начал вести огонь первым, остальные два продолжали стрелять. Магазин второго пулемета закончился чуть позже того момента, когда первый был уже перезаряжен. То же произошло и с третьим. Справа грянул первый залп карабинов людей фер Дисса, и сразу же слева ударили егеря. Казалось бы, пятьсот человек - это так много. Но сейчас, когда егеря встали в пять шеренг, с высоты холма они казались пятью короткими несерьезными строчками. Снова ударил залп справа, и чуть ли не сразу же вслед за ним пальнули егеря. Браво фер

Бауча, надо же какая выучка у его людей, ведь они почти не уступают моим парням в скорострельности, несмотря на разницу в оружии. Пространство перед нами затягивало дымом, черт бы его побрал, дымный порох. Если бы не легкий ветерок, тянувший от реки, так вообще бы уже ничего не было видно. А кирасиры со степняками все приближались, и казалось, ничто не сможет остановить их атаку. По мере их приближения пулеметы заметно прибавили темп стрельбы. Ничего удивительного - система механическая: крути рукоять быстрее, и пулемет прибавит в скорострельности. Ее вообще можно довести до фантастических в этом мире тысяче выстрелов в минуту. Но кассета, металлический короб, вмещает всего сотню патронов, и заменить опустевшую кассету на новую - не секундное дело. Да и нет у нас огромного запаса патронов, половину уже точно успели сжечь. Пушки били почти непрерывно, били картечью, что такое дистанцию в несколько сот метров для орудия. Затем одна из них умолкла, и, судя по тому, что ее обслуга перешла к двум оставшимся, стрелять она уже точно больше не будет. Затем замолк один из пулеметов. Возле него лихорадочно засуетились люди, и через несколько томительных мгновений, он снова начал стрелять. Залпами палили егеря фер Бауча, стреляли кавалеристы Антонио, уже вразнобой, но огонь они вели плотный. Когда до наших позиций оставалось всего пара сотен метров, враг дрогнул и начал придерживать лошадей, пытаясь их завернуть. Сзади на них напирали те, кто еще не видел этих чудовищ на высоких колесах, непрерывно извергающих несущий смерть огонь. ‘Нельзя останавливаться, нельзя атаковать в сплоченном строю, - думал я, наблюдая за затоптавшемся на месте врагом. - Ваше спасение заключается в том, чтобы рассеяться и проскочить оставшееся расстояние. Вас и сейчас достаточно для того, чтобы смять нас, если дело дойдёт до сабель. У нас слишком мало пулеметов, чтобы охватить всю ширину фронта, в том случае, если вы рассыплетесь’. И счастье было увидеть то, что они не услышали моих мыслей, и не последовали им. А пулеметы продолжали бить. Бить в скучившихся всадников, в оставшихся без седоков лошадей, и в людей, потерявших своих коней. И это было уже не отражение атаки, а избиение. На взмыленном коне подскакал гонец, соскочил с него, подбежал ко мне, чтобы сообщить весть из ставки, взглянул на поле и застыл. Он стоял и смотрел, как бьют пулеметы в кучу обезумевших людей, у которых на всех было одна общая мысль: спастись, сохранить свою жизнь, и пропади оно пропадом все остальное. ‘Да брат, такой она скоро и будет, война, - думал я, глядя на гонца, ошеломленного увиденным им зрелищем. - Пройдет немного времени и спрятаться от нее можно

будет только в узких земляных щелях, где под ногами хлюпает жидкая грязь. Или в завшивленных и пропахших портянками блиндажах. Да и то ненадолго, совсем ненадолго'. Затем пулеметы смолкли, но еще некоторое время крутились, охлаждаясь, стволы. Мы справились, справились благодаря тому, что должно было прийти в этот мир лет на триста позже. Но мы справились, и в бинокль было видно, что остатки вайхов повернули назад, на север, к родных степям. А оставшиеся в живых кирасиры уходили в сторону своих войск, на запад. Они уходили, даже не подобрав раненных, хотя мы давно уже не стреляли, и захоти они это сделать, не стали бы им мешать. И все же бой для нас был еще не закончен. Я оглянулся в поисках человека, чтобы направить его к фер Дисса с приказом о преследовании кирасир. Затем отправил с этим приказом гонца герцога, который так до глубины души был впечатлен увиденным зрелищем, что едва смог передать мне слова главнокомандующего о скорой подмоге. И только после этого обратил внимания на тишину, стоявшую вокруг нас. И на грохот боя, доносившийся из долины реки Пари. Беглого взгляда туда было достаточно, чтобы понять - солдаты Готома не смогли прорвать оборону имперских войск, и даже до пулеметов дело еще не дошло. В долине по-прежнему шел бой, бой яростный, с треском ружейных залпов и грохотом орудий. И судя по всему, перевес не был ни на чьей стороне. Очень хотелось надеяться на то, что только благодаря тому, что нам удалось выстоять, ситуация сложилась такой, какой она сейчас и была. А у меня сейчас создался самый подходящий момент для того чтобы попытаться исполнить свой план, касающийся ставки короля Готома. Все пять стрелков из Доренса сидели уже в седлах, когда ко мне подвели Ворона. Нам много не требуется, добраться на плечах убегающих кирасир вон до той возвышенности. С ее высоты дистанция позволит стрелкам дотянуться до ставки Готома. И если даже самого его убить не удастся, то число его генералов наверняка удастся сократить. Главное не зарываться, добраться до холма, отстреляться, и сразу же назад. Я снова припал к биноклю, чтобы еще раз убедиться в том, что в долине все нормально. Держатся имперские полки, держатся, скользнул я по полю сражения вооруженным биноклем взглядом. По центру, в месте основного удара сил Готома оборона прогнулась, но герцог не вводил даже часть из резервных войск. Так что наша получасовая отлучка не должна навредить, а при определенной удаче вообще сможет повлиять на общий исход боя. Здесь остаются егеря, среди которых потерь нет, у нас их вообще не оказалось, всегда бы так. Остаются пулеметы, у которых треть

боезапаса, и два орудия из трех по-прежнему могут стрелять. Скоро должно подойти подкрепление, обещанное герцогом. И хотя он наверняка уже знает о том, что мы успешно отразили атаку, направленную во фланг, гонец по времени к нему уже должен был прибыть, вряд ли герцог станет отменять приказ. Хотя бы, потому что посчитает, что атака может повториться. Все объяснения самому ему потом, сейчас нельзя терять не минуты. Если мне удастся сделать то, что задумал… До выбранной мной возвышенности мы добрались на плечах отступающих трабонских кирасир. Вернее, кавалеристы фер Дисса успели расчистить путь еще до нашего подхода. На ее вершине доренские стрелки соскочили на землю, сразу же к ней припав. Дистанция до холма, на котором располагалась ставка Готома оставалась для их винтовок предельной, но подойти еще ближе нам никто не даст. У нас и так на все про все буквально несколько минут, в нашу сторону уже, набирая ход, мчались всадники, из резерва, и если судить по обмундированию, это был один из полков конной гвардии Готома. Щелкали выстрелы винтовок, и стоявший рядом со мной фер Дисса только качал головой: он знал, куда направлены выстрелы, и расстояние до ставки его впечатлило. В ставке Готома метались люди, спеша покинуть ставшее вдруг смертельно опасным место. И части из них уже было не до суеты этого мира. Возможно, среди них был и сам Готом, но где тут разберешь, кто из них кто. А гвардия его приближалась все ближе. Я взглянул на Антонио, и тот ответил мне тоже взглядом: только прикажи. Ведь не один я мечтал о том, чтобы его бригада встретилась с хваленной конной гвардией Готома в открытом бою. Сейчас и соотношение сил равное, и местность такая, что как нельзя лучше подходит для конного боя. До войск противника, расположенных на его левом фланге достаточно далеко, чтобы они могли вмешаться. И если не увязнуть, до того как к гвардии Готома подойдет подкрепление, то вполне можно и испытать наконец в работе бригаду против такого достойного противника. Фер Дисса продолжал выжидательно смотреть на меня. Тянуть дальше некуда, необходимо отдать приказ к отходу, или дать ему время перестроить своих людей перед атакой и успеть набрать встречный ход. И я кивнул головой - вперед, орлы, за матушку императрицу и покажите супостату что и как. Сам я вперед не полезу, и слово дадено, и не вижу необходимости. В орлов столько денег вколочено, что не хватало мне самому шпагой махать. Как-нибудь без меня обойдетесь. Фер Дисса преобразился мгновенно. Если еще несколькими мгновениями раньше он выглядел чуть ли не равнодушным к тому, что происходило вокруг него, то сейчас он представлял собой

олицетворение удали. Я даже на миг засомневался, тот ли человек стоит во главе бригады? Удаль удалью, но сражение обычно выигрывает холодный расчет. Но глядя на то, как загораются вокруг него люди, тут же отринул эту мысль в сторону. Две лавы сошлись на середине ржаного поля, золотившегося под полуденным солнцем налившимися колосьями. Местная рожь низкорослая, меньше метра в высоту, и она почти не замедляла бег лошадей. Лавы сошлись, чтобы разбиться на множество поединков. Ржание лошадей, звон сабель, крики раненых и поначалу было совсем не понятно, кто же берет верх. Гвардия Готома составлена из отборных бойцов, прошедших победоносно не одну войну. Но и мои парни должны были их стоить. Следующая мысль, пришедшая в голову, оказалась совсем идиотской: ‘Обмундирование моих людей смотрится лучше даже издалека’. Я сплюнул с досады, там люди гибнут, а я о тряпках. Поначалу было непонятно, на чью сторону склоняется чаша весов, но понемногу воины фер Дисса начали повсюду теснить хваленую гвардию Готома, и, вероятно, только чувство гордости не позволило врагу обратиться в бегство. Ведь они наверняка воспитаны на том, что - ‘гвардия погибает, но не сдается’. Позабыв обо всем на свете, я наблюдал за раскинувшимся передо мной сражением, испытывая чувство гордости - ведь, по сути, это мои питомцы. И именно они теснят, теснят по всему фронту несгибаемых гвардейцев Готома. Посреди сабельного звона звучали револьверные выстрелы. Хотя и мало их, револьверов, на всю тысячу сотни полторы, и только у командиров, но если применять их вовремя… Дальше, за ржаным полем, было видно, что остатки тяжелых кирасир, попавших не так давно под огонь пулеметов, остановлены, и среди них начали наводить порядок. Ха, я думал, что после гатлингов они до самой столицы Трабона будут драпать, пока не опомнятся. -Ваша милость, - прервал мои мысли голос Проухва. Прошка, что с тобой, я давно уже не то что не милость, но и не светлость, и даже не сиятельство. Но после того как я взглянув в ту же сторону, куда и был устремлен его взор… Да уж, тут обо всех регалиях позабудешь. Из лощины, прикрытой рощицей кипарисов, ряд за рядом выныривали всадники. ‘Легкая кавалерия, - определил я. - Но от того что их много, то, что она легкая, не меняет ничего. Сейчас они развернутся в боевой порядок и ударят во фланг. Надо выводить людей’. Первым долгом следовало отправить к своим доренских стрелков. У них такое оружие, что если враг его захватит, проблем не избежать. Не так уж и сложно с ним разобраться, а потом жди выстрела с той же дистанции, с которой они недавно и палили. И этим можно создать себе столько проблем… Дьявол, ну

понятно же было, что обстрелом ставки Готома мы разворошим такой улей… Нет, хотелось еще и его гвардию потрепать. Пронзительно пропела труба, призывая кавалеристов фер Дисса к срочному отступлению. -Давайте парни, давайте, - молил я. - Бросайте их и уходите, просто уходите. Вы доказали уже и чужим и своим, что вы лучше, но сейчас самое время отступить. И чего это враг так взъярился? Неужели все-таки удалось достать Готома? Я оглядел людей, окружавших меня. Их полусотня, и это моя личная гвардия, мой личный конвой и так далее. Все они лучшие рубаки, все вооружены лучшим оружием, и у каждого из них есть револьвер. Но как же их мало, чтобы остановить атаку вражеской кавалерии. И остается только уйти с холма, чтобы встретиться с фер Дисса на пути его отхода. Люди фер Дисса отступали организованно, ведь это тоже часть кавалерийской выучки - по сигналу выйти из атаки, причем выйти правильно. Да уж, долго не смогу себе простить, что не выдержал, отдал приказ на атаку гвардии Готома. Гвардия, кстати, преследовать нас не стала, но скорее всего это временно. Сейчас они придут в себя, и обязательно подключатся к преследованию, иначе им будет трудно сохранить свое лицо. Но и без нее врагов вполне хватит для того, чтобы они смогли навязать нам затяжной бой до подхода своих подкреплений. И частью людей придется пожертвовать, чтобы прикрыть отход. Словно подтверждая мои мысли, от основной массы отступающих отделился отряд и понесся наперерез атакующей вражеской кавалерии. ‘Первый эскадрон второго полка, - сообразил я. - Только у него все лошади одной, буланой масти’. Поначалу мы хотели сделать так, чтобы полки бригады отличались мастью лошадей, но затем плюнули на это дело. На парадах красиво будет смотреться, но их готовили не для торжественных мероприятий. Парни пошли на верную смерть, и им нельзя помочь, такая жертва неизбежна, чтобы сохранить остальных. И дай бог, чтобы их жертва оказалась не напрасной. Я придерживал бег Ворона, чтобы не вырываться вперед. Дай ему свободу и окажешься в гордом одиночестве впереди отступающей бригады. Вот показалась уже и речушка Пари, мы проскочили ее, преследуя спасающихся бегством кирасир, едва замочив бабки лошадиных ног. За ней останется подняться пригорок и все, свои. В этом месте река, текущая от недалеких Энейских гор делает плавный поворот. Откуда-то оттуда, со стороны гор, они и появились, кирасиры вместе с вайхами. Надо же, почему то считалось, что ближайший перевал в двух неделях пути отсюда. Потому и не уделялось этому направлению большого внимания. Ан нет, оказывается, существует и еще проход. Главное сейчас оторваться, чтобы не

принести на своих плечах преследующую нас конницу Трабона. Иначе в мешанине своих и чужих будет трудно помочь нам даже пулеметами. Мать твою, откуда эти-то взялись? Наперерез нам снова шла конница, и мы никак не успевали ее опередить. Это не ловушка, вряд ли они могли предполагать, что все произойдет именно так. Но какая теперь разница, как это случилось. Они что там, сражение остановили, чтобы всем скопом броситься к нам наперерез, отрезая от своих? Ирония судьбы: отступая чуть ли не впереди всех, я оказался в числе первых, кто попал под атаку конницы Трабона. Шпагу в правую руку, в левую револьвер, ведь чтобы управлять Вороном, мне хватит и ног. Выстрел, удар шпагой, выстрел, опять выстрел, теперь удар, вернее укол и снова выстрел, и еще, и еще. Все, барабан пуст, и я сунул револьвер в кобуру, чтобы выхватить еще один. Прошку, бившегося чуть в стороне, сильно пошатнуло в седле, и он припал к конской гриве. Мать, видимо ему серьезно досталось, при его здоровье от пары сабельных ударов он только чихать бы начал. Я направил туда Ворона, свалив двумя выстрелами приблизившихся к Прошке кавалеристов Трабона, давая ему возможность выпрямиться в седле и оценить ситуацию вокруг. Сколько же их, и откуда только они взялись. Все, влипли мы, к своим нам не пробиться. Но помощь близка, к нам спешат и егеря фер Бауча, и вторая половина бригады фер Дисса, отданная герцогу и возвращенная им. Нам бы только немного продержаться. Правая рука как будто чужая, и если бы не гарда, я давно бы уже выронил шпагу. Еще один выстрел в близкое лицо, украшенное усами и все, второй револьвер тоже пуст, а вокруг только всадники Трабона. Но почему я до сих пор жив? Мать твою, да они наверняка знают кто я, иначе давно бы уже достали пикой. Они этого не делают, вероятно пытаясь захватить меня в плен. Вот уж хрен вам всем, живым не дамся. И я впервые за все то время, что у меня был Ворон, изо всех сил вонзил шпоры в его бока. Ворон - могучий конь и он сможет вырвать меня из окружения. И когда я уже было поверил, что мне это удалось, что я уже смог вырваться, небо внезапно поменялось местами с землей.